

ЛИНДА КЕЙР

ОНИ ПРЕДНАЗНАЧЕНЫ ДРУГ ДРУГУ САМОЙ СУДЬБОЙ.
ТРУП НА ДНЕ ОЗЕРА МОЖЕТ ДОКАЗАТЬ ОБРАТНОЕ.

ТЕМНОЕ ОЗЕРО

Супер белый детектив

Линда Кейр
Темное озеро

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кейр Л.

Темное озеро / Л. Кейр — «Эксмо», 2019 — (Супер белый детектив)

ISBN 978-5-04-169125-7

Захватывающий психологический триллер с атмосферой элитной частной школы, неуловимо схожий с нашумевшей книгой Донны Тарт «Тайная история». Энди и Йен Коупленд оставили много воспоминаний в элитной школе «Гленлейк» двадцать лет назад. Они стали настоящей Легендарной Парочкой, даже несмотря на короткий разрыв в выпускном классе. Казалось бы, обычная подростковая драма. Верно? Труп на дне озера может доказать обратное. Таинственный утопленник вырывается из глубин, возвращая влюбленных к солнечным воспоминаниям юности, омрачающихся зловещими тенями, и заставляя пересмотреть свои взгляды на собственный брак, школу и друг на друга. «Кейр — это писатель, за которым стоит следить». — Publishers Weekly «Это одновременно и увлекательное чтение, и своего рода исследование роли авторитета в атмосфере легендарной частной школы. Вы обнаружите, что стремитесь быстрее добраться до финала, а потом — что его послевкусие остается с вами надолго после прочтения последней страницы». — Меган Эбботт «Зловещий, изощренный и элегантно структурированный триллер. Мина, начиненная неопределенностью, давними секретами, скрытыми историями и манипуляциями. Когда у каждого есть секрет, сможет ли пережить их наличие идеальная семья? Какая захватывающая и оригинальная история! У меня не получалось остановиться». — Хенк Филиппи Райан «Умная, захватывающая загадка, в которой исследуется, как секреты прошлого могут сплотить семью — или навсегда разлучить ее». — Лу Берни «Тело на дне озера. Семейная пара, у которой есть секреты со времен школы-интерната. И их находчивая дочь, способная раскрыть правду, которую она не хочет знать. Захватывающая тайна убийства, изобилующая поэзией, страстью и ложью, захватила меня до самого конца. Роскошная, мрачная сказка, от которой я не могла оторваться!» — Эмили Карпентер «Искусное повествование Линды Кейр о частной школе, разрушенной многолетним

скандалом, — соблазнительная история с напряженным ожиданием. Ложь, которую мы произносим, не только определяет нас. Она становится нами». — Эмбер Коуи «Хорошо написанная история, которая не отпускает». — Booklist

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-169125-7

© Кейр Л., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	42
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Линда Кейр Темное озеро

© Юркан М.Ю., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

И вновь Брендону и Марии...

Пролог

«Никто в наши дни не умеет хранить секреты», – думал Тэйт, спускаясь к озеру, в серебристой глади которого отражались вечерние облака Иллинойса. Он собирался посвятить в свою тайну лишь парочку первогодков, но кто-то из них проболтался: один поделился с другом, другой – с подружкой, и вскоре компания приобщенных к тайне насчитывала уже двенадцать парней и пять девушек, причем все они – по его наущению – горели желанием нарушать правила.

А виноват отец. Ведь именно он, тоже учившийся в школе Гленлейк, привил ему уважение к местным традициям. Многие из них – запертые на замочки личные дневники, в которых учащиеся описывали всё, что случалось с ними за четыре года обучения: трапезы с преподавателями, выпускные страницы и прочее, – успешно сохранялись; но некоторые лишились бывшего значения, забылись или вовсе были запрещены. Однако папа помнил и то, что кануло в прошлое.

Более сотни лет, в первое полнолуние осеннего триместра, старшеклассники вели новичков к озеру Лумис, где те, не снимая одежды, прыгали в воду со спасательной вышки. Так продолжалось до тех пор, пока экзамены по плаванию и юридические проблемы положили конец рискованному обряду.

Но Тэйт вырос на рассказах отца. Вот уже три года он поддерживал статус хранителя тайных традиций Гленлейка и теперь планировал закрепить свою репутацию, восстановив этот опасный, забытый ритуал.

Жаль только, что облака скрыли луну и что у половины новичков под одеждой купальные костюмы, а в руках полотенца. Жалкое подобие старинных безалаберных заныриваний. Единственное, что радовало: в воздухе носились упорные слухи, что две девочки собирались прыгать совсем раздетыми.

Разумеется, сигануть со спасательной вышки не получится: их могут услышать или увидеть, а никому не хочется начинать триместр с выговоров, и ему меньше всех. Они, конечно, мятежники, но вовсе не идиоты. Поэтому, достигнув берега озера, учащиеся, сгруппировавшись по двое или по трое, отправились в обход по дороге, подгоняемые нервным ожиданием. Примерно через полмили скорость продвижения замедлилась, и послышались нетерпеливые вопросы: «Ну, скоро мы уже придем?»

Но Тэйт не собирался так просто сдавать лидерство: он вел и подбадривал, поддерживал в них запал оставшиеся полмили к протянувшемуся на пару сотен ярдов спуску к грунтовой дороге, заросшей кустарником и молодыми деревьями. Он вел их на вершину отвесных береговых скал.

* * *

Осыпающаяся скалистая вершина поднималась немного выше, чем спасательная вышка: она маячила над берегом на высоте двадцати пяти футов. Когда они смотрели на нее, стоя у подножия, где холодный ветер ерошил волосы и играл с одеждой, она казалась еще выше. По ту сторону озерной глади влажно мерцали огни в окнах старинных величественных зданий Гленлейка.

– Эта озеро выглядит таким... чернющим, – пожившись, заметила одна из девочек.

– А как мы выберемся оттуда? – с фальшивой бравадой спросил коренастый мальчик.

– Здесь достаточно глубоко, но надо плыть направо, там есть участок пляжа, – пояснил Тэйт, – и оттуда по тропе можно опять забраться на вершину.

– Откуда ты знаешь?

– Мне отец рассказывал, – ответил он, не желая признаваться в том, что сам тайно ходил сюда каждый год, планируя этот момент. Не желая признаваться, что заранее облазал здесь все вдоль и поперек. И не желая признаваться также, что сам еще не сделал ритуальный прыжок.

Ведь на самом деле он его и не сделал.

– Ты будешь прыгать первым, – произнес чей-то голос.

Тэйт хотел сказать, что старшеклассники сами не прыгают – они заставляют прыгать других. Но вдруг осознал, что если хочет возобновить традицию и вписать свое имя в историю, то должен прыгнуть первым. Однако, черт побери, прыгать в одежде и возвращаться в мокрых джинсах ему решительно не хотелось.

Он снял ботинки и носки, потом рубашку и наконец, после минутного колебания, стащил джинсы, надеясь, что очертания его причиндалов скрыты боксерами.

– погоди минутку! – воскликнула одна из девочек. – Сейчас я включу камеру!

Тэйт видел ее раньше в кампусе. Она вечно делала фотографии: иногда «айфоном», а иногда маленькой, но стильной и антикварной на вид цифровой камерой. И участвовала в выпусках школьной газеты или ежегодника, а может, и того, и другого.

Он не успел ничего сказать, как огоньки мобильных дисплеев моментально заплясали повсюду, точно светлячки, чтобы запечатлеть его прыжок.

Тэйта обуревали противоречивые чувства. Он представил себе одобрительные отзывы и комментарии на их посты в социальных сетях, однако закричал:

– Это же *тайный* обряд! Вы что, хотите, чтобы меня исключили?

Медленно, с явной неохотой, огоньки погасли.

Тэйт сожалел, что пришлось ждать так долго. По телу уже побежали мурашки.

– Прыгай давай! – крикнул кто-то из новичков, не желавших пропустить момент возрождения традиции.

Благодаря своим разведывательным походам Тэйт знал, что нужно будет прыгнуть подальше, за те камни, что торчали у подножия скалы. Сейчас их скрывал сумрак. Но он скорее умер бы, чем отказался от прыжка.

Тэйт сделал три быстрых шага к краю скалы, почувствовал, как почва ушла из-под правой ноги, и, оттолкнувшись другой ногой, рванулся вниз с криком:

– Виват Гленлейк!

Погружаясь в глубину, он видел над головой затухающий нимб серого света.

Когда достиг дна, его нога врезалась во что-то твердое и острое. Видимо, напоролся на камень.

Он выбрался на берег, слыша, как со скалы эхом разносятся ликующие возгласы:

– Гленлейк!

Девочка с камерой сунула ему под нос какое-то туманное видео.

– Я не устояла, – призналась она, – но ты можешь удалить его, если хочешь.

Ее благоухающие духами волосы скользнули по его мокрому плечу, и Тэйт вздрогнул. Просмотрев видео, в любом случае слишком расплывчатое и темное, чтобы узнать того, кто нырял, озабоченно потрогал ранку на ноге, как опытный легкоатлет, получивший травму. Порез оказался глубоким, но не опасным. Чтобы не испачкать рану, Тэйт попросил принести сверху его носки и ботинки.

– О боже, ты же истекаешь кровью! – шепотом воскликнула она.

– Там внизу какая-то острая штукавина. Вроде бы что-то железное.

– Может, старая магазинная тележка или другая ржавая рухлядь? Держу пари, что горожане бегают сюда, чтобы выбросить свой мусор.

– Нет, там что-то совсем непохожее на тележку. Жаль, что не удалось рассмотреть получше...

– Хочешь сделать фотку?

Девочка вытащила водонепроницаемый чехол из кармана завязанных узелками бикини, выглядывавших из-под пояса ее джинсов. Сунув мобильник в чехол, она плотно запечатала его, закрыв пластиковую застежку, и включила камеру и фонарик.

– Я захватила чехол на всякий случай. Но не думаю, что рискну нырнуть.

До вершины утеса быстро долетела весть о том, что, занырнув в эту черную воду, старшеклассник порезал ногу о какую-то железяку.

Побуждаемый как любопытством, так и видом веснушчатой груди и бикини девочки с камерой, Тэйт вернулся в озеро и поплыл, выставив вперед светящийся, как биолюминесцентная рыба, телефон. Достигнув примерного места погружения, он подпрыгнул и занырнул в глубину, видя перед собой лишь узкий луч слабого света. Вода вокруг стала казаться еще темнее. Уходя все дальше на глубину, Тэйт постепенно выпускал набранный в легкие воздух, и наконец луч фонарика выхватил из мрака блеск какого-то стекла или металла.

Сначала он увидел изображение на мониторе камеры: автомобиль, большой и темный, лежал на правом боку. Уши уже заложило, когда парень выдохнул последний воздух, погрузившись глубже. И нечаянно открыл дверцу, ухватившись за дверную ручку, чтобы приблизиться к затонувшей машине.

Она выглядела как старый двухдверный спортивный автомобиль, похожий на те, что он видел по телику, когда показывали аукционы антикварного транспорта, или в городе. За рулем таких винтажных тачек сидели престарелые фанаты, медленно катившие по улицам и собирая восхищенные взгляды и возгласы прохожих.

От недостатка кислорода и острого волнения от сделанного открытия у Тэйта закружилась голова. Он осознавал, что пора всплывать, однако жаждал триумфа: ему не терпелось заглянуть внутрь. Сделать снимок своей находки прямо на дне озера.

Он повернул экран «айфона». На мониторе отобразилась покрытая илом машина с треснувшими, но не выбитыми окнами, а за открытой дверцей – рулевое колесо.

Застегнутый ремень безопасности удерживал чьи-то останки.

Кости. Грудную клетку. Треснувший череп.

Глава 1

И в который раз перемены нового учебного года не принесли существенных изменений.

Или, точнее, подумал Йен, не изменилось ничего, за исключением учащихся и того, что они с Энди стали на двадцать с лишним лет старше, а школа Гленлейк начала строительство нового писательского центра – небольшого, но уютного здания, где студенты смогут читать, писать и общаться с преподавателями в достаточно непринужденной творческой обстановке, способной конкурировать с раскрученными школами Кремниевой долины... Ну, может, и не Кремниевой долины, а Кремниевое болото, как деловые спонсоры называли порой Чикаго, расположенный в сорока минутах южнее.

Забросив дорожные сумки в гостиницу «Олд роуд», чьи номера и коридоры выглядели достаточно тесными и обшарпанными, чтобы иметь историческое значение, супруги оставили машину на парковке и прошлись полмили до кампуса, наслаждаясь прекрасной осенней пятницей. Тротуар усыпала рыжевато-желтая листва. Она шуршала и ломалась под их ногами, распространяя терпкий запах увядания.

Йен взял Энди за руку. Ему вдруг вспомнилось, как они вместе шли по этой самой дороге, но в противоположную сторону, собираясь выпить кофе в единственной городской закуской: он тогда ослабил узел школьного галстука, а еще они курили сигареты, чувствуя себя совсем взрослыми.

Теперь же оба выглядели как богатые родители, отдавшие своих чад в престижную школу-интернат. Однако Йен снова чувствовал себя мальчишкой – только на сей раз одетым по-взрослому.

Заметив взгляд Энди, ставшей сейчас даже красивее, чем в юности, он на мгновение мысленно перенесся в будущее: сегодняшней вечер, когда они, подвыпившие, будут, покачиваясь, пробираться в свой гостиничный номер и – как он надеялся – славно закончат его в кровати. Отели номера обычно действовали на его жену возбуждающе. Жаль, что им редко удавалось путешествовать вместе.

– Мы собираемся пропустить приветственную трепотню, верно? – заметила она.

На последних трех родительских выходных они входили в актовыв зал, когда директор школы, главы учебных кафедр и главный спонсор занудствовали уже больше часа. Энди была права – им и в этот раз незачем было спешить к началу. Они уже давно заслужили звания ветеранов.

– Может, нам стоило бы вместо этого неожиданно навестить Кэссиди?

Их пальцы по-прежнему были сплетены, и Энди слегка ущипнула его за руку.

– Типичный отцовский подход. Она, конечно, всю жизнь мечтала, чтобы мы неожиданно свалились ей на голову, помешав общению с друзьями. Нет уж, когда увидим ее, тогда и увидим.

Они шли по извилистой и длинной подъездной дороге, и Йен, как обычно, испытал приятное волнение от возвращения в альма-матер. Миновав повороты к преподавательским коттеджам, через пару сотен ярдов они увидели поблескивающие свежей краской готические письмена: «Школа Гленлейк».

Пересекли овальную площадь перед Школьным центром Коупленда, построенного в дар школе его прапрадедом Огастесом Коуплендом, первостатейным бароном-разбойником¹.

¹ Изначально «баронами-разбойниками» называли мелких феодалов средневековой Европы, взимавших подати за проезд через свои земли; сейчас это презрительное прозвище основателей крупных промышленно-финансовых корпораций, сколотивших свои состояния в период первичного накопления капитала во второй половине XIX и начале XX вв., в частности в годы Гражданской войны и Реконструкции, причем зачастую при помощи обмана и грубой силы.

– Не пора ли тебе смахнуть пыль с бюста? – привычно пошутила Энди, когда они поравнялись с бронзовым изваянием старого Огастеса, стоявшего при входе на шестифутовом мраморном постаменте.

Йен покачал головой. Он не мог винить предка за свою детскую неприязнь к кирпичному зданию, однако такое «наследство» все равно было обузой.

Пройдя между корпусом гуманитарных наук, в аудиториях которого Йен появлялся крайне редко, и корпусом естественных наук, где он чувствовал себя более комфортно, они миновали студенческий клуб, прорезанный травянистым хоккейным полем, и прогулялись по местам, где кипела реальная школьная жизнь. За общежитиями первогодков обогнули старые особняки, служившие общежитиями для старшекласников, и пересекли газон перед замшевой колоннадой. В школьные времена они тайно покуривали «травку» в ее тени, а однажды старательно вырезали свои инициалы на одной из колонн.

Осознав, что время поджимает, вернулись к особняку Маккормика, бывшего жилого дома этого обширного поместья, в котором теперь размещались административные службы. Но сначала заглянули в библиотеку, чьи внутренние стены были покрыты вставленными в рамки рукописными выпускными страницами личных дневников. Забравшись по лестницам на третий этаж, они то и дело останавливались возле стен, пробегая глазами по вставленным в рамки текстам, и наконец дошли до места, где на противоположных стенах читального зала висели выпускные страницы их собственного, 1997 года выпуска.

Моноotonно зачитав вслух страницу Йена, Энди, как обычно поддразнивая его, спросила: – Ты точно не заплатил «литературному негру» за написание столь пафосного текста?

Несмотря на литературный и писательский уклон Гленлейка, Йен никогда не чувствовал себя полностью довольным своими способностями к изложению мыслей на бумаге. И устно тоже, если уж на то пошло.

Его по-прежнему смущало, что этот растянутый, написанный по обязанности пассаж – о трудностях учебы, умственного развития и ценностях школьных кадров – будет торчать здесь, на виду у всех, пока жива сама школа. Он жалел, что ему не хватило мужества написать правду. В отличие от Энди, которая написала свою страницу достаточно смело. В то время как большинство учащихся, включая его, затрагивали лишь невинные вопросы, не желая никого обидеть, она размышляла о частной природе дневников и о том, как тщательно на самом деле каждый редактировал свою выпускную страницу. А в завершение разродилась стихотворением:

Эти лучшие годы,
Перекинув мост от детства
К зрелости,
Подготовили, а точнее, готовили нас к стезе
Нашего предназначения.
Но готовы ли мы пробудиться от грез?
Или продолжим витать в облаках?

Всякий раз перечитывая ее выпускную страницу, Йен вспоминал одну из своих дневниковых записей первого года учебы – в тот день, 20 сентября 1993 года, он познакомился с ней.

Сегодня появилась новая девочка. Ее зовут Энди Блум. Пропустив первые две недели, она просто заявила на алгебру.

Пока Нейдельман представлял ее классу, она забавно закатывала глаза, ведя себя так, словно училась с нами с самого начала. Мне не хотелось бы опоздать и оказаться новичком, но она, видимо, относилась к этому равнодушно. Говорят, что ее отец – какая-то большая шишка в Голливуде. Поэтому, естественно, все думают, что если подружатся с ней, то им

светят встречи с кинозвездами и разрешение околачиваться на съемочных площадках. Я еще не разговаривал с ней, но собираюсь...

Она выглядит и ведет себя совсем не так, как большинство здешних девчонок. В хорошем смысле. Ей как-то удается выглядеть круто даже в нашей форменной одежде, и держится она так, будто Гленлейк ничем не лучше бесплатной городской школы. Вероятно, для нее так оно и есть, поскольку она у себя в Калифорнии привыкла к роскоши. Хотя не думаю, что она – воображала.

Почему-то я все время думаю о ней.

И замочки на этих дурацких дневниках могли бы быть понадежнее.

* * *

Некоторые родители первогодков присоединились к своим детям с бокалом вина, пива и безалкогольных детских напитков, хотя множество бывших выпускников собрались в обшитом ореховыми панелями приемном зале, прямо перед кабинетом директора школы, где бармен в черном костюме стоял в ожидании за заставленной бутылками стойкой.

Руководители Гленлейка обожали собирать выпускников при каждом удобном случае: последние были ключом к пожертвованиям и успешному набору новых учащихся. Особенно те, чьи имена уже вырезали в камне над входом в здания кампуса.

Йен и Энди только что глотнули вина – она выбрала сносный белый совињон, а он – бокал каберне, о чем тут же пожалел, – когда в зале прозвучали их имена.

– Йен и Энди, – произнес чей-то голос. С оттенком изумления, но четко и раздельно. Это здорово отличалось от того, как звали их парочку все годы обучения: «ЙениЭнди».

Повернувшись, Йен изобразил радость при виде лица, которое и не узнал вовсе, хотя краем глаза заметил, как искренне обрадовалась супруга.

Подошедший мужчина постарел гораздо больше, чем они: волосы поседел, лицо расплылось, под глазами набрякли мешки, а над ремнем нависало заметное брюхо.

– Томми Харкинс! – воскликнула Энди, обнявшись с этим типом и тактично игнорируя его откровенно оценивающий взгляд на свою по-прежнему стройную и привлекающую внимание фигуру.

– Рад видеть тебя, – Йен обменялся с Томми рукопожатием, все еще пытаясь связать в памяти это имя с более молодым парнем.

– Мне сначала показалось, что ты не узнал меня, – сказал тот, подмигнув заплывшим глазом, – и, знаешь, ничего удивительного. Большинство людей говорит мне, что я сейчас выгляжу моложе, чем в юности, даже несмотря на то, что теперь все зовут меня Томом.

– Конечно... Том, – помедлив, согласилась Энди.

И вдруг прошлое ожило: в выпускном классе Том встречался с Джорджиной, лучшей подружкой Энди. Если память не подводит, то у них что-то не сложилось. Йен приобнял жену за талию, и она в благодарность одарила его нежным взглядом.

– Давненько не виделись, – заметила Энди. – Похоже, с самого выпуска?

– Верно, – Том покачал головой. – В этом году сюда поступила моя дочь. Так странно вновь оказаться в этих стенах...

– А у меня такое чувство, будто мы никуда и не уезжали. Наша дочь Кэссиди перешла в выпускной класс, а двойняшки Уитни и Оуэн приедут сюда в будущем году. Если, конечно, поступят.

– Ха, можно подумать, что Гленлейк посмеет отказать кому-то из Коуплендов после всей «зелени», вложенной вашим родом в это заведение, – шутиливо бросил Том.

– Коупленды – истинные приверженцы образования, – Энди скромно улыбнулась, разыграв роль «Мы так богаты, что и думать забыли о деньгах».

Учитывая, что она происходила из еврейской семьи, жившей в Беверли-Хиллз, это прозвучало не слишком естественно. Хотя она быстро схватывала – практически мгновенно после поступления в Гленлейк восприняв язвительную сдержанность обитателей Среднего Запада, Энди мастерски пользовалась ею задолго до того, как они обосновались в консервативном Сент-Луисе.

– Так вы двое всю дорогу вместе? – глотнув пива, спросил Том. – Или волшебным образом соединились, разбежавшись с первыми половинками?

– Наша жизнь не столь затейлива, – с усмешкой произнесла Энди, прежде чем приступить к набившему оскомину описанию их краткой семейной биографии. Напомнила, как они вновь сблизились в конце выпускного года. Рассказала, как продолжали встречаться, пока она училась в колледже Смит, а Йен – в колледже Амхерста Массачусетского университета.

Их нью-йоркский эксперимент закончился рождением Кэссиди, и тогда-то они и переехали в Сент-Луис, чтобы Йен мог подхватить семейный бизнес по импорту вин, а Энди – начать заниматься издательством, в основном подарочных альбомов по искусству.

Йена всегда поражало, что жизненные истории привязывались не к чувствам, а к годам и местам. Никто, описывая свою жизнь, не говорил: «Наша любовь вспыхнула с первого взгляда, но сейчас мы любим друг друга еще сильнее, чем раньше».

Джеральд Матисон, который во времена их учебы служил заместителем директора, лавировал по залу, как буксир в переполненной гавани. Его лысая голова раздумянулась, а нос, тогда лишь начинавший краснеть, выдавая склонность к пьянству, окончательно приобрел темно-багровый оттенок.

– Я помню вас обоих! – ликующе произнес он. – Вы же наша знаменитая парочка. Вашу ссору в старшем классе обсуждали даже преподаватели.

– Рад видеть, что вы по-прежнему в школе, – Том протянул руку.

– На самом деле несколько лет назад мне дали отставку... путешествия, возлияния... однако недавно избрали в совет попечителей.

После кончины прежнего директора Линкольна Дэрроу, работа стала тяготить и нервировать Матисона. Отставка определенно устраивала его... или, может, сказался расцветший махровым цветом алкоголизм. В любом случае сейчас он выглядел веселым и спокойным.

Йен мельком заметил, как в кафедральную часть зала направляются новый директор, Джошуа Скэнлон, и его заместительница, Шэрон Лизандер. Они собирались призвать самые влиятельные семьи Гленлейка пополнить школьные фонды. Внезапно Йен пожалел, что заявился сюда. В этом году он мог сделать лишь символический вклад.

– Какими сплетнями нынче питаются в совете? – тем временем лукаво спросила Энди.

– О, даже не знаю. Я заступил на должность только в этом триместре. Хотя могу доложить, что все мы крайне заинтригованы нашим заезжим писателем.

– Ну, факультативный писательский курс всегда считался лучшим в Гленлейке. И кого же пригласили в этом году?

– Его зовут Уэйн Келли. Бывший редактор «Филадельфии инквэйрер»². Вообще-то он давно занимается журналистскими расследованиями и согласился вести журналистский семинар, надеясь в свободное время поработать над собственной книгой. Но мы рады, что у нас появился признанный журналист, способный дать всем отдохнуть от традиционных романов, мемуаристов и редких поэтических дарований.

² «Филадельфия инквэйрер» – ежедневная утренняя газета, основанная в 1829 г.; является одним из наиболее влиятельных и распространенных изданий на Северо-Востоке США.

Никто, видимо, ничего не заметил, но Йен увидел, как напряглась Энди при упоминании «поэтических дарований». Ее улыбка осталась идеально вежливой, но взгляд слегка затуманился. Он вдруг осознал, что и его собственная улыбка не менее фальшива. Предваряющий выступление директора звон вилки по бокалу призвал собравшихся к тишине, и Йен, улучив момент, склонился к жене.

– Что случилось? – постаравшись изобразить самый невинный вид, прошептал он ей на ухо. – Ты выглядишь озабоченной.

– Ничуть, пустяки, – солгала Энди, чмокнув его в щеку.

* * *

Ознакомившись с сокращенной программой занятий Кэссиди, Йен и Энди посетили по очереди все учебные кабинеты и обменялись с дочерью одиннадцатую текстовыми сообщениями, договорившись о встрече в шесть сорок пять вечера.

Покинув акцию по сбору денег, они дожидались ее в разросшемся Коупленд-холле, где Кэссиди слушала лекцию о правилах подачи заявлений в колледжи, а им предстояло познакомиться с новыми преподавателями.

Вбежав в здание, она быстро пересекла вестибюль, обняла их – крепко, но формально – и плюхнулась рядом на скамью.

Йену показалось, что всего за один месяц дочь повзрослела на целый год. Его мысли устремились к будущим вехам: ее переезду в студенческое общежитие, окончанию колледжа, проводам к алтарю и надеждам на появление внуков...

– Любимое папино местечко в кампусе, – с усмешкой заявила вдруг Кэссиди, возвращая его в реальность. Она выразительно глянула на изваяние Огастеса на постаменте.

Их дочь всегда выражала недовольство статусом, предоставленным ей благодаря щедрости предков. Йен прекрасно помнил, в какое смятение привело шестилетнюю девочку осознание того, что у большинства школьников не имелось зданий, названных в честь их семейств. «Но это же нечестно!» – выпалила она тогда, надув губы.

– Я привез полироль и чистые тряпки, – подхватил Йен, – и ты сможешь отполировать прашура, как только мы уедем.

Кэссиди заправила за ухо прядь волнистых каштановых волос, унаследованных, по всей вероятности, от него, а не от Энди.

– Большинство наших ребят делают вид, что понятия не имеют о том, что моя фамилия хоть как-то связана с названием этого здания, но ты удивился бы, узнав, как много тех, кто всячески стремится подружиться с отпрысками из таких «именитых семей».

– Просто продолжай вести себя с той же царственной сдержанностью, – усмехнувшись, посоветовал Йен. – Ты уверена, кстати, что не хочешь присоединиться к нам за ужином?

Энди бросила на него говорящий взгляд, призывая не слишком доставать дочь родительской любовью, а Кэссиди озвучила эту мысль, добавив:

– Не смогу. Сначала мне надо узнать, как все-таки поступить в колледж моей мечты. Потом я либо засяду за домашку, либо сбегу в город с другими девочками, чтобы поразвлечься с местными парнями.

– Мы отнюдь не собираемся стоять на пути твоих успехов, – с улыбкой заключила Энди. – Увидимся завтра за поздним завтраком.

– Ровно в десять тридцать.

Кэссиди уже поднималась со скамейки. Всё в ее образе – прическа, рюкзак, школьная форма – намеренно выражало легкомысленную небрежность. Йен вдруг задумался: не производит ли она на парней такое же сногшибательное впечатление, какое в свое время произвела на него Энди?

Быстро обнявшись с ними, дочь бросилась догонять поднимающуюся по лестнице подругу.

Энди и Йен еще посидели немного, наблюдая, как родители, просачиваясь в двери, продолжали изучать карты кампуса и расписание занятий с такой глубокой сосредоточенностью, словно их написали по-гречески.

– Итак, не хочешь ли поиграть, – игриво предложила жена, с явным намеком на возвращение в гостиницу, – в школьную любовь?

* * *

Неловко ерзая за школьной партой, Йен удивлялся тому, как подростковые гормоны могли бушевать в столь стерильной обстановке. Журналист, приглашенный в школу на этот год, стоял перед полным классом замерших в ожидании родителей.

– Я догадываюсь, какой первый вопрос вы хотите задать мне, – заявил он, – как простой мальчонка с Филиппин смог стать тем самым Уэйном Келли?

В классе царило нервное молчание, словно собравшиеся боялись, что с их губ может сорваться случайный ответ, исполненный общественного безразличия.

Уэйн Келли, красивый мужчина лет сорока, с угольно-черными волосами и короткой темной с проседью бородкой, поправил на носу стильные очки от компании «Уорби Паркер»³ и наконец избавил слушателей от мучительного ожидания.

– Если б вы были моими учениками, я дал бы вам задание придумать рабочие гипотезы, а затем предложил проверить их. Но поскольку в моем распоряжении всего семь минут, то я сам дам однозначный ответ. Усыновление.

Раздалось несколько тихих смешков, и обстановка стала чуть менее напряженной. Йен никогда не посещал знаменитый литературный факультатив Гленлейка, зато Энди проводила в этом кабинете массу времени.

Одернув свой, видимо, новенький твидовый пиджак, Келли примостился на краю учительского стола.

– Если вы успели проверить мое прошлое, то уже знаете, что семнадцать лет я проработал журналистом и редактором. Сюда я приехал в надежде написать свою первую книгу, попутно давая уроки по курсу журналистских расследований. Мои ученики узнают, как составлять репортажи, писать статьи, а также как пережить удары судьбы и критику возмущенных редакторов.

Глянув на Энди, Йен заметил, как внимательно та разглядывала преподавателя. Впервые за весь день она, казалось, забыла о присутствии Йена. Ему вдруг подумалось: не жалеет ли она, что выбрала искусствоведение, променяв поэзию на издание альбомов по искусству?

– Журналистика – не абстрактное понятие. Для журналистской работы важно уметь найти материал. Я составил учебный план на год, однако пару недель назад изменил его. Поскольку, к счастью, потрясающая история произошла прямо здесь, в нашем кампусе.

Некоторые родители переглянулись друг с другом, встревожившись от мысли, что дорогостоящее обучение их отпрысков станет частью некоей «истории». Остальные терпеливо ждали, жаждая услышать дальнейшее объяснение. Энди была в их числе. Она даже покусывала левый уголок нижней губы, как делала всегда, будучи глубоко заинтересованной в чем-нибудь.

Келли двинулся по проходу между рядами парт к задней стене кабинета.

– Кто-то из вас, возможно, уже в курсе новостей, но так или иначе, в начале этой недели группа учащихся сделала открытие в озере Лумис. Они ныряли там ночью, нарушив правила поведения, и данный вопрос администрация Гленлейка рассмотрела со всей строгостью. Пола-

³ Американский онлайн-магазин рецептурных и солнцезащитных очков, располагающийся в Нью-Йорке.

гаю, некоторым из них в качестве наказания придется в обязательном порядке посещать мой семинар.

Выслушав несколько шуточных замечаний, он спросил:

– Может, кто-то из вас будет любезен приглушить освещение?

Один из родителей любезно пощелкал выключателями у двери, погрузив комнату в полумрак. Келли включил проектор, и на белой доске кабинета высветился четырехугольный экран.

Все замерли в напряженном молчании. Как и остальные, Йен размышлял о том, откуда могла взяться история, достойная столь пристального внимания от знаменитого журналиста.

– На дне этого озера дети обнаружили автомобиль. Один из них, которого я позвал в свой класс, проявил отличную репортерскую интуицию. Ночью, на глубине двадцати футов, он умудрился сделать фотографию этой машины.

На белой доске появился расплывчатый и темный снимок автомобиля, так поросшего илом, что напоминал скорее не средство передвижения, а огромный торт, облитый темной глазурью.

Йен услышал, как резко ахнула Энди. И у него самого вдруг противно засосало под ложечкой.

– Эту машину не утопили в озере во избежание штрафа за аварию, – продолжил Келли. – Да, именно этот весьма оригинальный автомобиль принадлежал человеку, пропавшему двадцать два года тому назад.

Он перешел к следующему кадру: машина, висящая на тросах крана строительной баржи, бросившей якорь около вполне узнаваемых скал северного берега Лумиса.

При подъеме из воды часть грязи и ила отпала, и местами проступила оригинальная перламутровая голубизна.

Йену хотелось, чтобы Энди поддержала его, хотя бы взяв за руку, но обе ее руки спокойно лежали на поверхности парты.

– В салоне полиция обнаружила останки человека. После стольких лет под водой сохранился только скелет, однако номерной знак позволил установить личность владельца. Пока предварительно, до подтверждения по данным дентологической карты.

По кабинету пробежал тревожный шепот, и в уме Йена эхом прозвучало одно давно не слышанное имя.

– Так вы хотите сказать, что наши дети будут расследовать какое-то... убийство? – спросил один из потрясенных отцов.

– Кто сказал, что это убийство? Мы планируем собрать всю информацию, которую сможем найти, следуя за полицейским расследованием, и в итоге рассказать о том, что именно произошло.

– И ваши планы... одобрены? Директором?

Не обратив внимания на этот вопрос, журналист перешел к следующему слайду: изображению черепа, лишившегося за десятилетия всей своей плоти.

Внезапно Йен вновь почувствовал себя старшекласником, хромавшим по лесной тропе с затуманенным яростью взором.

Исполненным ненависти к обнаруженной им тайне.

Энди застыла рядом с ним. Видимо, только полная неподвижность помогала ей совладать со своими чувствами.

– Судебная экспертиза еще не дала подтверждения, однако владелец машины был фактически моим предшественником – писателем, преподававшим здесь, в Гленлейке. Он пропал незадолго до окончания учебного года. Его звали Дэвид Уокер. Хотя здесь его знали под именем Даллас... Даллас Уокер.

Глава 2

Личный дневник Энди Блум, школа Гленлейк

2 сентября 1996 года, понедельник

После трех школьных лет практически ежедневного ведения дневника можно подумать, что вечером, в канун первого дня выпускного учебного года меня осенит нечто талантливое или вдохновляющее. Хотя, честно говоря, в голове крутится только одно:

Я ненавижу поэзию.

Ее чтение приводит меня в ужас.

Я не люблю анализировать стихи.

И презираю попытки сочинения стихов.

Разумеется, такие признания выставляют меня безнадежно поверхностной, несведущей и даже обманщицей. Хотя я никогда не признаюсь во всеуслышание, что не люблю поэзию.

Просто не смогу. Ведь я – Энди Блум, девчонка, покинувшая Беверли-Хиллз ради поступления в школу Гленлейк, расположившуюся посреди иллинойской глухомани, хотя и известную своим писательским уклоном. Не говоря уже о моем воображаемом даре к прикольному сочинительству.

По крайней мере, все здесь считают меня такой.

Не важно, что на самом деле я попала сюда из-за бремени воспитания подростка, выпавшего на долю моего отца, выдающегося и влиятельного Саймона Блума. Именно благодаря его бремени и всемирно известному таланту убеждать людей в том, что он исполняет их сокровенные, тайные желания; он предоставляет им то, чего хочет сам.

Для начала меня убедили, что ни одна из обычных школ Лос-Анджелеса не способна дать хорошее образование его суперталантливой дочери. Потом отец похвастался парой моих сочинений, получивших премии; а заодно и выпущенными им фильмами, присовокупил к делу солидные баксы, и вуаля(!) – Гленлейк смягчил свои строгие правила и принял меня через три недели после начала осеннего триместра, окрестив Чудесной Юной Сочинительницей из Калифорнии.

К счастью, мне здесь понравилось. Дома я давно не чувствовала себя в такой комфортной обстановке и даже обрадовалась, вернувшись этой осенью в удушающе-влажную жару Среднего Запада. Более того: с легкостью выдала поэтическое творение о радости встречи с первой золотой окантовкой зеленого листа и чарующим шелестом под ногами грядущей осени.

Пожалуй, я поберегу все эти чарующие образы, потому что скоро мне понадобится каждая капля поэзии, которую получится из себя выдавить. В конце концов, логично, что Чудесные Юные Сочинительницы обожают поэзию. Она же просто вытекает из их мозгов прямо на страницу.

Фиг-ня.

Все три года, заранее подавая заявление на посещение литературных семинаров, я активно посещала их, хотя обычно туда приглашались на год только выпускные классы. За это время у нас преподавали автор коротких рассказов, романист и мемуарист.

Теперь я наконец перешла в старший класс и, вероятно, уже не смогу увильнуть от законного места в новом семинаре. Чего здесь явно ждут, раз решили пригласить на этот год поэта...

Ах, какая офигительная ирония!

Причем не просто поэта, а самого Далласа Уокера, известного своей любвеобильностью, элегиями о любви и ее утратах и, согласно статье в журнале «Интервью», оценившего труды своего курса в одном неназванном заведении Лиги плюща общей оценкой «удовлетворительно», в связи с необходимостью «жертвовать любовью».

Я купила экземпляр его книги «Сын Америки» и обнаружила, что все стихи там посвящены пивным загулам, винтажным машинам, работникам мельниц и сексу между поклонниками простецкого нижнего белья. К тому же он дважды использовал слово «влагалице». Некоторые из этих образов весьма выразительны, надо признать, однако я не понимаю смысла его творческих исканий. Абсолютно.

Фигня. Фигня. Фигня.

3 сентября 1996 года, вторник

Даже замечаниям Йена («Даллас Уокер звучит как вымышленное имя. И вообще, все поэты слабаки и выпендренники, так какая разница?») не удалось сегодня унять мандраж, овладевший мной перед входом в здание Коупленд-холла.

Я ожидала, что попаду в свои собственные адские хитросплетения «Общества мертвых поэтов»⁴ – ряды парт, заполненные лет сто назад книжные полки, аспидная классная доска, в углу шипит радиатор, и Даллас Уокер топчется спиной к нам, не видя, как мы, его доверчивые ученики, входим в кабинет. И вот он выписывает на доске любую знаменитую строчку из никому, включая его самого, не известного стихотворения и, как водится, дает задание к завтрашнему занятию: проанализировать ее, написав эссе на трех-пяти страницах.

Либо мы входим, просто садимся за парты и ждем звонка. Потом начинаем переглядываться друг с другом, думая: какого черта мы здесь торчим? Но прежде, чем кто-то из нас крикнет, помнит ли вообще знаменитый поэт, что у него сейчас урок, из коридора послышатся зловещие шаги. И вот Даллас Уокер, пожилой коротышка с зачесанными на лысину остатками волос, в заляпанном пятнами кардигане, едва сходящемся на его объемистом животе, неторопливо влывет в класс. Естественно, он начнет цитировать вышеупомянутое загадочное стихотворение своим раскатистым басом.

Замечание для себя на будущее: если в этом году дневниковые записи будут больше напоминать своеобразные драматические сцены или упражнения

⁴ «Общество мертвых поэтов» – «оскароносный» художественный фильм, снятый в 1989 году австралийским режиссером П. Уиром (1944), где показана история учителя английского языка и литературы, который вдохновляет своих учеников изменить свою жизнь, пробуждая в них интерес к поэзии и литературе.

в написании диалогов, в отличие от моих ранних записей, то именно потому, что я так решила, ведь мне надо упражняться, если я собираюсь когда-нибудь стать писателем. Так или иначе, вернемся к сегодняшней теме.

В любом случае нам дадут, наверное, такого рода бессердечное задание, и, выполнив его, я буду безутешна, впервые получив за это эссе худшую оценку.

Впервые.

Мне стало совсем тошно. До такой степени, что пришлось дожидаться, пока все войдут в класс, и лишь потом я смогла, глубоко вздохнув, тоже заставить себя зайти.

Как раз вместе со звонком.

Даллас Уокер не только уже пришел, но и торчал перед классом, небрежно склонившись над своим письменным столом, – и выглядел, разумеется, совершенно не так, как я его представляла.

Не так уж стар, но и не молод, среднего роста, волосы с проседью, но не седые, и какой угодно, только не пузатый. На самом деле он оказался стройным и мускулистым, как боксер или бегун на длинную дистанцию. Если б он не носил мерзкие замшевые кроссовки, я могла бы даже назвать его красавцем – крепкий, прокуренный, выдавший виды тип, но еще не «папочка».

Наши взгляды на мгновение встретились, но я сразу отвернулась и направилась к свободной парте, предпочтя сесть подальше от моего обычного места в первых рядах.

Когда я села и опять глянула в его сторону, он улыбнулся.

Я так нервничала, что чувствовала себя совершенно не в своей тарелке.

– Поэзия – это обнажение общих секретов наших душ, – начал Уокер. – В связи с этим я хочу, чтобы вы достали по листу бумаги и записали то, что действительно пугает вас.

– Это будет оцениваться? – спросил Филип Мартин.

– Нет, если только вы по глупости не подпишете свое имя.

– Мистер Уокер?.. – вопросительно произнесла Кейт Хилл.

– Мистер Уокер – мой отец. Зовите меня Даллас.

– Д-даллас, – запинаясь спросила Кейт, – что, если человека дико пугает много разного?

– Давайте начнем с одного личного страха. Слабб?

Услышав вопрос, Джорджина, которая прямо сейчас сидит на кровати напротив меня и тоже пишет дневник, пожевывая прядь волос, и несколько других девушек захихикали.

У Далласа Уокера определенно имелось преимущество перед остальными учителями, но я не собиралась заискивать перед ним или его якобы поэтическим «обаянием». Воспользовавшись гарантией анонимности, написала именно то, что он предложил нам.

Все мы довольно быстро записали по одному из наших сокровенных страхов, передали по рядам листы с заданием на учительский стол и молча сидели, наблюдая, как он просматривает наши пятнадцать ответов и складывает их в стопку на край стола – правда, один из них оставил перед собой.

Опять улыбнулся. На сей раз более широко.

– Поэзия должна пугать вас, – прохрипел он и взглянул, могу поклясться, прямо на меня. – Она чертовски пугает и меня самого.

4 сентября 1996 года, среда

Мне хотелось, чтобы Даллас (почему, интересно, так трудно даже мысленно называть учителя просто по имени?) задал нам трех-пятистраничную работу на тему аналитического сравнения поэзии Уильяма Карлоса Уильямса⁵ и Уильяма Батлера Йейтса⁶ или что-нибудь не менее занудное. Но вместо этого он отпустил нас из класса на целый урок раньше с «простым» заданием:

– Я хочу, чтобы вы написали стихотворение об упомянутом вами страхе, не называя его, однако, и опять же, не подписывая свои сочинения.

– А как же вы сможете оценить их, если мы не укажем наши имена? – спросил Филип. Кто бы сомневался.

– Если вы сдадите хоть что-то, то получите, безусловно, удовлетворительные оценки.

Учитывая то, что я читала о нем, мне не хватило смелости спросить, что именно он подразумевает под удовлетворительными оценками.

– А можно использовать синонимы? – спросила Джорджина.

– Не знаю, – ответил Даллас, – а вы как считаете?

Она хихикнула, на сей раз кокетливо.

Джорджина не понимает, какая она симпатичная, несмотря на то что я постоянно говорила ей об этом. И, по-моему, все из-за ненавистной ей рыжей шевелюры. К счастью, она не только умело флиртowała, но и знала все обо всех.

Однажды, в разгар одного неудачного дня, после трех лет нашего соседства по комнате, за которые мы стали лучшими подругами, нас пытались расселить по разным комнатам. Но она так мастерски строила глазки мрачному мистеру Лэндри, что в итоге он согласился переселить Лолу Макджордж из моей комнаты в ту комнату, куда предполагалось поселить Джорджину: с Джулис Нортон. Я не видела в этом ничего плохого, поскольку они обе были неврастеничками. Однако я отвлеклась...

– А насколько длинное надо написать стихотворение? – спросила Мэг Арчер.

– Уж это на ваше усмотрение, – ответил Даллас. – Только избегайте употребления таких слов, как «страх», «ужас», «пугающий» и любых их сочетаний.

Пустяковое задание, верно?

Нет нужды говорить, что к тому времени я уже закончила курсы латыни, физики и общей истории. Теперь мне предстояло лишь придумать нечто не слишком пугающее для стихотворения, не упоминая, естественно, слово «поэзия».

Занятие прошло как в тумане, поскольку Даллас пространно рассуждал об «укоренившихся тенденциях буквального общения» и о том, что поэзия требует иного подхода.

– ...вы должны научиться подавлять стремление к буквальной определенности и позволить стихотворным образам и строкам свободно

⁵ Уильям Карлос Уильямс (1883–1963) – один из крупнейших американских поэтов.

⁶ Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) – ирландский англоязычный поэт, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе (1923).

крутиться в вашей голове. Иначе вы погубите себя, лишив важной возможности понимания поэтического восприятия смысла человеческого бытия...

Джулис Нортона, вечно записывавшая каждое слово учителей, как раз закончила строчить: «Поэзия равносильна высшей правде, выраженной без буквальной прямолинейности», – когда Даллас попросил сдать домашние задания. Он перемешал наши работы, потом наугад раздал их обратно и предложил по очереди зачитать то, что попало на наши парты.

Начали с Томми Харкинса. Он прочитал:

*Из праха в прах, как говорится,
Но никогда такого не случится
Со мной.*

– О, но таков предрешенный конец, – заметил Даллас в ответ автору. – Ведь всем нам когда-то суждено умереть, поэтому, возможно, стоит подумать о том, чтобы заменить клише глухим стоном. Во имя ваших наследников.

Далее читала Джорджина:

*Затрепетала бабочка в душе,
Пустеет радость в жизни чаше.
В той пустоте начало наше...*

– Кто понял, о чем здесь говорится? – спросил Даллас.

– Об американских горках, – одновременно откликнулись три голоса.

– На самом деле я прочитала то, что сама написала, – пробурчала Джорджина.

– Рифмованные стихи мы впитали едва ли не с молоком матери, – заметил Даллас.

Джорджина выглядела удрученной.

– Хотя в данном случае, учитывая заданную тему, такая форма отчасти уместна. Подчеркиваю: отчасти.

Следующим встал Коннор Коттон. Он прочистил свое вечно простуженное горло и начал произносить слова, которые я пыталась сочинять почти целую ночь.

*Мои мысли рождаются?
Исполненные плоти,
Свободные от боли
Великого безмолвия.*

Класс молчал.

– А что вы, ребята, думаете об этом стихотворении?

Слава богу, прозвенел звонок.

5 сентября 1996 года, четверг

По мнению Джорджины, поэтический семинар будет круче любого другого курса английской литературы из тех, что она посещала, а Даллас Уокер похож на «красавчика, типа повзрослевшего Курта Кобейна, местами смешанного с Эдди Веддером⁷».

⁷ Курт Дональд Кобейн (1967–1994) и Эдди Веддер (р. 1964) – американские рок-музыканты и авторы песен, виднейшие представители стиля гранж.

Кейт Хилл уже бросила семинар. Ей не понравилось, что «уроки Далласа не похожи на нормальное преподавание поэзии», но, я уверена, на самом деле она побоялась, что не получит высший балл, необходимый для поступления в престижный вуз Лиги плюща.

Йен, разумеется, не посещал этот курс, но Даллас, по-видимому, решил поддержать традицию, в соответствии с которой приглашенный писатель становился формальным капитаном одной из спортивных команд. Его не привлек ни один из видов обычных спортивных игр Гленлейка, поэтому он начал «тренировать» первый бильярдный клуб в нашей школе.

По-моему, это довольно круто в своеобразном, антиспортивном смысле.

Учитывая, что дома у Йена на цокольном этаже устроена бильярдная, где он начал играть с отцом, как только смог удержать кий, он явно не собирался пропустить сегодня вечером первое занятие.

– Этот парень определенно напыщенный мажор, как я и предсказывал, – сказал он впоследствии, – но шары гоняет мастерски.

6 сентября 1996 года,

пятница

Сегодня мы потратили целый урок на сравнение наших трактовок популярных песен с фактическим значением, вложенным в них авторами текстов.

Забавные факты, представленные нам Далласом Уокером, нашим учителем поэзии:

1. Песня Боба Марли⁸ «Я застрелил шерифа» родилась вовсе не песней протеста, поскольку на написание этого текста его вдохновили ссоры со своей девушкой из-за противозачаточных средств. Тот шериф был врачом, прописавшим ей таблетки.

2. В «Лето 69-го» Брайану Адамсу⁹ было десять лет. Его ностальгия была вызвана не годом, а его пристрастием к определенной сексуальной позиции!

3. Едва Даллас начал произносить «Люси в небе с...», как полкласса закричали: «ЛСД!»¹⁰ Но на самом деле вдохновение для сочинения этой песни Джон Леннон¹¹ почерпнул из рисунка своего четырехлетнего сына Джулиана, изобразившего свою одноклассницу...

Перед самым звонком мы получили задание: выбрать песню по своему усмотрению, дать свое понимание текста, а потом исследовать историю ее создания и выяснить истинное значение.

⁸ Боб Марли (1945–1981) – ямайский рок-музыкант, гитарист, вокалист, композитор; яркий представитель стиля рэги.

⁹ Брайан Гай Адамс (1959) – канадский рок-музыкант, фотограф, гитарист, автор и исполнитель песен.

¹⁰ Имеется в виду его песня «Люси в небе с алмазами» («Lucy In The Sky With Diamonds») – название вызвало большую полемику в прессе из-за того, что первые буквы образуют аббревиатуру «LSD», которая ассоциировалась с одноименным наркотиком).

¹¹ Джон Леннон (1940–1980) – британский рок-музыкант, певец, поэт, композитор, художник, писатель, один из основателей и участников группы «Битлз».

– Это может быть сногсшибательно, – заметил Даллас, пока мы записывали наши тетради в рюкзаки, – даже для нашего сопротивляющегося местного поэта, госпожи Блум.

– Энди, – вырвалось у меня, – госпожа Блум моя...

Я не смогла закончить этого предложения. Тема мамы оставалась для меня под полнейшим запретом. Я дождалась, когда последние ребята выскочили из класса.

– Почему вы думаете, что именно я писала о поэзии? – спросила я, когда мы остались вдвоем.

– Я не думаю. Я знаю.

– Откуда?

– Оттуда же, откуда знаю, что Кристал Томас написала о...

– О страхе выделиться из толпы? Это лишь отчасти связано с психикой. Я имею в виду, что она – одна из немногочисленных афроамериканцев в нашей школе.

– Вполне логично, – согласился Даллас, – но стихи о змеях наверняка написала Кейт Хилл.

– Потому что...

– Это слишком отстойно, и мы с ней оба поняли, что ей не удастся добиться успеха на семинаре.

– Да, она бросила, потому что ей нужны все пятерки в аттестате для колледжа. Но ходят слухи, что у вас получить высший балл почти невозможно.

– Ей, во всяком случае.

– А кто написал классные стихи о призраках?

– Изначально? По большому счету Сильвия Плат¹².

– То есть это было подражание, плагиат?

– Такие ловкачи встречаются в каждом классе, – заметил Даллас, – хотя я пока не вычислил, кто она.

– Тогда откуда вы знаете, что это она?

– Плагиаторы выбирают созвучные их натуре первоисточники. Если им хватает ума.

Я привыкла ожидать особой оригинальности от писателей на наших факультативах, но Даллас оставил их далеко позади.

– Вы всё еще не сказали, почему решили, что именно я боюсь поэзии.

– По логике, вы единственная из класса не могли бы написать этого.

– Почему же?

– Потому что вы – любимица на кафедре английского языка.

Я почувствовала, как у меня загорелись уши.

– Именно поэтому я намеревался выявить все ваши способности.

– Но передумали?

– Я ничего не имею против здорового бунтарства, – возразил Даллас, – особенно когда оно подкрепляется талантливой работой.

Талантливая работа...

Я невольно заметила, какие у него изумрудные глаза... идеальное клише для зеленого цвета.

– Стихи пугают меня.

¹² Сильвия Плат (1932–1963) – американская поэтесса и писательница, считающаяся одной из основательниц жанра исповедальной поэзии в англоязычной литературе.

- Все мы чего-то боимся.
- А чего боитесь вы? – вдруг решила спросить я.
- Будущего, – улыбнувшись, ответил он.

Глава 3

«У папы похмелье, а мама злится, но старается не показывать этого, – подумала Кэссиди, сидя напротив родителей за столом в обеденном зале. – А может, и у мамы тоже похмелье».

Они, все втроем, словно стремясь оттянуть трапезу, медленно прошествовали по ряду шведских столов и застряли возле стойки с омлетами, пытаясь высмотреть относительно тихий уголок в этом большом шумном зале. Первая волна едоков – жадные до всего первогодки и их родители – уже закончила поздний завтрак, поэтому толкаться локтями не пришлось.

Как она и рассчитывала.

– Так как же твои... – начала мама.

– Только не надо про учебу, – лишь отчасти шутливо прервала ее Кэссиди.

– Я хотела спросить про ваши пробежки, – закончила мама, определенно и явно страдая похмельем.

Странное для нее состояние. Она редко напивалась до такой степени. Обычно ее похмелье становилось заметным только на следующий день после новогодних или свадебных вечеринок да особо разгульных приемов в книжном клубе. Среднестатистическая женщина, изредка выпивающая в компании; хотя Кэссиди слышала, как и они с папой вспоминали крутые вечеринки в колледже. И если ее собственные четыре года в Гленлейке хоть что-то показывали в этом плане, то можно смело утверждать: в их школьные годы тоже имели место пара-тройка пьянок.

– Уж порадуй нас, милая, – пробурчал папа. – Мы ведь будем питаться здесь еще четыре раза, начиная каждый следующий год с двойняшками.

Кэссиди, вздохнув, начала подыгрывать им, хотя очень проголодалась и отчаянно хотела слопать свой омлет с грибами и сыром.

– Полегче, папуля. Я же просто шучу. Но ты и сам говорил, что общие вопросы порождают, в общем-то, скучные ответы.

– Но наши вопросы, на мой взгляд, достаточно конкретны.

– Ч#дно. Бриана Сандерсон станет капитаном команды, но тренер сказал, что я вроде как буду в запасе.

– У тебя и так хватает забот с поступлением в колледж и прочими проблемами.

– А вы знакомы с мистером Келли?

– Лично не знакомы, но слышали его выступление, – уклончиво ответила мама, словно оно не особенно впечатлило ее.

Вооружившись вилкой, Кэссиди принялась закидывать в рот кусочки омлета. Папа практически смеялся над ней. По любому поводу. Из-за постоянных тренировочных пробежек пять дней в неделю она нуждалась в белковой пище. В белках, углеводах, сладостях и... иногда даже свежей зелени.

– Меня лично его выступление сильно взволновало.

– Мне не очень понятно, зачем ты вообще таскаешься на этот семинар, – признался папа, пока мама, игнорируя свой омлет со шпинатом, нарежала дыню на тонкие ломтики.

Кэссиди не обладала, как мама, склонностью к литературному сочинительству, а если имелся выбор, то обычно предпочитала художественной литературе творческие документальные или научные работы... и как раз журналистика, на ее взгляд, наилучшим образом представляла такого рода литературу. Она пока не знала, что именно ей хочется изучать в колледже и кем она хочет стать в будущем. Лишь хотела найти то, что действительно увлечет ее. Возможно, поиск наконец-то завершен?

– Мне же не предоставили право выбора факультативного писателя, – заметила Кэссиди, – и насколько я понимаю, вам хочется, чтобы я воспользовалась преимуществами этого знаменитого семинара для выпускного класса.

– Разумеется, хочется, – не слишком убедительно подтвердила мама.

– К тому же мне интересно, как можно использовать журналистские приемы для написания креативной документальной или научно-популярной литературы, – добавила девушка, считая, что нечто вроде этого они предпочли бы услышать.

Папа взял свою кружку с кофе и промокнул салфеткой оставленный ею мокрый кружок.

– Полагаю, он не станет преподавать вам «креативную» часть.

Он прав. Мистера Келли интересовали факты и ничего кроме фактов. «Но это не значит, что нельзя описывать фактические материалы, пользуясь приемами литературного творчества», – подумала Кэссиди.

Для начала им предстоит собрать как можно больше фактических сведений. Мистер Келли уже предложил начать копать: «Среди вас есть те, чьи родители тоже учились в Гленлейке. Учитывая известный нам временной период, возможно, что кто-то из них знал покойного». Вот она и копнула...

– Кстати, вы знали Далласа Уокера?

Сначала родители переглянулись. Быстро переглянулись, но все равно... странно. Потом оба кивнули, но мама ответила первой:

– Да. Я посещала его поэтический курс, когда он пропал.

– А мне удалось избежать его писательских занятий, зато я посещал бильярдный клуб. Мы играли в пул, – добавил папа.

– Пул? Как в...

– Такой лузный бильярд. Восемь шаров, девять шаров и ротация. Уокера не интересовали традиционные виды спорта, поэтому он основал так называемый бильярдный клуб «Меткий кий».

– Твой папа не особенно любил его, – заметила мама, отведя взгляд в сторону.

– Я считал его выпендренником, – возразил папа, – хотя, по-моему, так воспринимает своих учителей большинство подростков.

Он выглядел почти рассерженным, что было не менее странно, чем мамино похмелье. Они никогда не ссорились... по крайней мере, при посторонних. Иногда показывали свои разногласия перед ней или двойняшками, говоря: «У нас с вашей мамой разные мнения» или «У нас с вашим отцом разошлись мнения», – однако это касалось каких-то пустяков, типа карманных денег или времени ложиться спать.

С социологической точки зрения эта тема была завораживающе увлекательной, однако Кэссиди вдруг осознала, что нужно разрядить обстановку.

– Ну, лично я не отношусь к этому большинству, – шутливо заметила она. – По-моему, все они заслуживают моего глубочайшего восхищения и уважения.

Оба посмеялись над ее замечанием.

– А вы знали, что он умер? – копнула она глубже.

На сей раз родители не стали переглядываться. Никто из них не покачал головой. Мама уставилась в стол, окончательно потеряв интерес к еде.

– Я ничего не слышала о нем до вчерашнего вечера.

Первогодка, болтавшая с кем-то по мобильнику – ей еще предстояло узнать, что это грубое нарушение школьных правил, – прошла мимо, рассказывая о своем путешествии, по обеденному залу и, поймав на мгновение их столик в объектив камеры, добавила:

– А вот счастливая семья за завтраком!

Мама и папа вежливо помахали руками мелкому личику на дисплее мобильного нарушительницы, а Кэссиди хмуро взирала на нее, пока та не удалилась.

– У вас есть какие-нибудь большие проекты по другим предметам? – спросил папа. Теперь он предпочел сменить тему.

– Конечно. Математик предложил попытаться доказать, что Эйнштейн ошибался. Папа! Это серьезно. Если вы впервые услышали об этом, то, наверное, сейчас испытываете страшное замешательство.

– Безусловно, мы потрясены, – согласилась мама, полностью подтвердив свои слова выражением лица и, вероятно, объясняя, почему они оба так странно ведут себя. – Я не вспомнила Далласа... он просил нас называть его по имени... долгие годы. Когда он пропал, у меня, помню, возникло ощущение предательства, поскольку я всегда ненавидела поэзию, но к тому времени как раз начала понимать ее, а он вдруг просто... исчез.

– Должно быть, это было ужасно.

– Ну, разве что отчасти, – добавил папа. – Я имею в виду, если ваш факультативный учитель вдруг исчезает в середине учебного года совершенно без...

– В самом конце, – возразила мама.

– ...предупреждения, – продолжил он, – у него ведь сложилась репутация необузданного ловеласа. Скандал, конечно, но не настолько ужасный, какой случился бы, если б, допустим, скромный учитель по основам гражданского права вдруг сбежал, бросив многолетнюю службу. Его пригласили к нам только на год... И он разъезжал по округе в своей мощной тачке, даже зимой не закрывая окошек, а однажды исчез вместе со своей машиной. Я всегда думал, что ему просто взбрело в голову укатить в Мексику, чтобы сочинять там свои вирши или развлекаться по полной.

Да, папа явно не любил этого парня. Кэссиди догадалась об этом потому, что он редко бывал столь многословен, описывая кого бы то ни было.

– Верно, он отличался от остальных учителей, – признала мама.

Не особо полезное замечание.

– Ему нравилось изображать крутого мужика, – добавил папа. – Тренируя нас в бильярдной, он обычно ругался как извозчик. Помню, мне всегда хотелось сказать ему: «Да ладно пыжиться, ты же поэт, а не работяга».

Кэссиди попыталась вспомнить принципы журналистских расследований, упомянутые мистером Келли. Задавать трудные и неудобные вопросы. Повторять эти вопросы с легкими изменениями. Искать противоречия и расхождения. Представьте, что вы – коп, расследующий преступление и допрашивающий подозреваемого... даже невинные люди могут скрывать полезные детали.

Противоречия: маме нравился Даллас Уокер, а папе не нравился. Но говорит в основном папа.

– Мам, как ты думаешь, что могло с ним случиться? И что думали об этом ваши ребята с поэтического семинара?

Та пристально взглянула на дочь. Кэссиди знала, что мать слегка разочаровало то, что она не унаследовала особой склонности к литературе. Кэссиди нравился литературный факультатив, но она вполне могла жить и без него. В каком-то смысле она стала гармоничной смесью своих родителей: ей нравилось заниматься спортом – последнее время в основном бегом – не меньше, чем осваивать учебные курсы.

– Тебе ведь нужен честный ответ? На самом деле я не знаю, что думали другие, но самой мне казалось, что мы просто надоели ему, поэтому он сбежал. А сейчас, надеюсь, ты позволишь задать пару вопросов тебе. Познакомилась ли ты в этом году с какими-то симпатичными парнями?

– Мам... – невольно вырвалось у нее с тем самым возмущением, что родители называли «подростковым гонором».

– Пожалуй, я сочту это утвердительным ответом, – улыбнувшись, заметила мама, явно собираясь начать собственный допрос.

– Пойду возьму еще кофе, – встав, сообщила Кэссиди.

Правда заключалась в том, что после четырех лет, прожитых почти без романов, поскольку родители воспринимали каждого парня как ее потенциального партнера по жизни, она реально влюбилась в Тэйта Холланда.

Мистер Келли предложил ему присоединиться к семинару, несмотря на то что Тэйта в наказание за то, что именно он обнаружил эту машину, на неделю отстранили от занятий и назначили испытательный срок на целый триместр. Не похоже, конечно, что ему суждено заниматься по жизни какими-то крутыми журналистскими расследованиями, но он был прикольным, склонным к самоиронии и достаточно крутым – ведь его едва не вышибли из школы за то, что он попытался восстановить традицию подлунных занывиваний для первогодков.

К тому же Тэйт стал чертовски привлекательным и пылким. Убедившись, что отношения с девицей, делавшей фотки для ежегодника, всего лишь сплетни, Кэссиди начала подсаживаться к нему на занятиях, чтобы иметь возможность слегка пофлиртовать. Тэйт не сразу догадался о ее происках, но, заметив, как он однажды выпихнул Ноа со своей парты, когда она вошла в класс, Кэссиди поняла, что выбрала верную тактику.

Иными словами, теперь у них завязались романтические отношения. Но она не собиралась подставлять этот факт под фокус родительского внимания.

Вернувшись с новой чашкой кофе, Кэссиди поняла, что отвлекающая тактика сработала: родители тихонько беседовали друг с другом, и мама решила не выпытывать подробностей.

– Мы поняли, что ты увлеклась этим журналистским проектом, – резко оборвав фразу, заявил папа. – Только не забывай, что у тебя есть пять других курсов, и вдобавок ты также должна уделять должное внимание подготовке к поступлению в колледж.

– Разумеется, пап, – ответила Кэссиди, подумав, что Тэйт посещал только один из них. Но в конечном счете именно благодаря ему, а также их учителю и классному проекту журналистский курс мог стать самым интересным.

Сложив столовые приборы на тарелку с нетронутым омлетом, мама отставила его в сторону.

– Тем не менее нам будет интересно узнать, что выяснит класс мистера Келли. Нам это интересно не меньше, чем тебе.

– Ну отлично, я буду держать вас в курсе. А вы, если вспомните что-нибудь полезное для нашего расследования, дайте мне знать. Договорились?

Глава 4

После этого завтрака Энди чувствовала такое сильное замешательство, какого не испытывала последние двадцать два года.

Кэссиди отправилась на тренировочную пробежку, Йен решил вернуться в гостиницу, надеясь, немного вздремнув, избавиться от похмелья перед традиционным осенним матчем по стикболу¹³ на приз Гленлейка, а сама она бесцельно побрела к лесистой границе кампуса.

С того момента, как преподаватель журналистики открыл первую фотографию на белом экране, повешенном на ту самую классную доску, где Даллас когда-то писал новые строфы своих стихов, в ее голове роились сумбурные воспоминания; и она никак не могла отвязаться от них.

Что сказал бы Даллас, узнав, что последний приют ему уготован на дне озера Лумис в его любимом «Додже Чарджере»? Скорее всего, это было бы что-то из серии «Не думаешь ли ты, что это грубоватое клише? Какая-то дикая смесь рокерского драйва Брюса Спрингстина¹⁴ с модернистской эстетикой Вирджинии Вульф¹⁵...»

Ей вспомнилась любимая строка из его стихотворения:

Вы предпочли бы утонуть с другими
иль плавать в одиночестве?

Из-за разоблачения его местонахождения Энди почувствовала себя так, словно ее не привлекающая внимания родинка вдруг разрослась и почернела.

Впереди поблескивали темные воды злосчастного озера.

Они с Йеном оба высказались по поводу того, как потрясающе, что Далласа случайно нашли после стольких лет. Коротко обсудили, что надо бы послать сообщение Джорджине, но Энди решила подождать, поскольку Джорджина все равно приедет в воскресенье забирать ее из аэропорта.

Во время вечерней встречи в баре с Томом Харкинсом и несколькими другими родителями Том вспоминал, какое подрывное действие оказало исчезновение Далласа, несмотря на то, что все, казалось, привыкли к заменам внештатных преподавателей и просто продолжали учиться, заканчивая учебный год.

«Казалось» – вот ключевое слово.

Для нее исчезновение Далласа стало таким же событием, как и само его появление в кампусе.

Событием, чреватым особыми перспективами.

Когда к разговору присоединились новые родители, высказав опасение, не могло ли это быть убийством, Йен успокоил их, изложив самую популярную версию – Даллас напился и совершил самоубийство.

А потом и сам Йен изрядно напился.

Выпив слишком много коктейлей, ее муж обычно начинал храпеть, едва коснувшись головой подушки, но прошлым вечером смешение алкогольных напитков, тревожное напоми-

¹³ Стикбол – уличная разновидность бейсбола.

¹⁴ Брюс Фредерик Джозеф Спрингстин (р. 1949) – американский рок-певец, автор песен и музыкант; обладатель многочисленных премий, в т. ч. премии «Оскар», и двадцатикратный лауреат премии «Грэмми».

¹⁵ Вирджиния Вульф (1882–1941) – британская писательница и литературный критик, ведущая фигура модернистской литературы первой половины XX в.

вание о смертности жизни и предвкушение секса в отеле оживили его, пробудив не только страсть и возбуждение, но и необычайное упорство, не проявляемое в постели уже много лет.

Энди нравилось, что его переполняла нежность, когда они возвращались в гостиницу из «Огней рампы» – единственного бара в городке. То, как он тыкался в ее шею, спускаясь к вырезу декольте, напомнило первый год в этой школе, когда они тайно бегали целоваться в лесок за общежитием или за трибуны стадиона «Халкотт-филд». Да и, в сущности, в любое местечко, где можно было побыть наедине хотя бы самую малость.

Неистовая страсть их вчерашних любовных игр напоминала те времена, когда они, будучи учениками десятого класса, только начали заниматься сексом. Если ей и не хватало возбуждения, то его страсть с лихвой восполняла эту нехватку.

Энди вдруг осознала, что ее больше волнует то, о каких своих мыслях Йен мог умолчать. Она всегда понимала язык его жестов, особенно когда они бывали в компаниях, где ему меньше всего хотелось выразить свои истинные мысли. Движение плеч во время разговора или слегка приподнятая бровь выдавали то, что он считает собеседника полным дерьмом, а когда ему бывало скучно, он начинал неосознанно звенеть мелочью в брючном кармане. Не считая того, что когда Йен слегка покручивал часы на запястье (а если крутил их долго, то его явно что-то беспокоило), то предпочитал вообще ни о чем не думать. Прошло больше двух десятилетий, но он действительно знал Далласа только в контексте бильярдного клуба псевдокрутых мачо, ставшего на редкость популярным среди парней двенадцатого класса.

Верно ведь?

Он не знал ее тайну. Не мог узнать. Даже самые крепкие браки скрывают крохотные трещинки, однако их расширение может привести к разрушению крепчайших основ.

Утром Энди проснулась, собираясь сказать, как ей понравилась прошлая ночь, то есть опять начать процесс заклеивания трещины. Но передумала, заметив, что с похмелья муж проснулся не в духе и застрял в ванной, где принимал душ и брился до самого выхода на завтрак. На поздний завтрак с их дочерью, вставшей на путь начинающего репортера, чтобы расследовать, как и почему встретил свой конец Даллас Уокер.

Энди становилось тошно, и у нее начинала болеть голова при одной только мысли о том, что Кэссиди сумеет раскопать даже малейшие обрывки сведений о пребывании Далласа в Гленлейке. Докопаться до причины его внезапного исчезновения.

Берег был безлюден. На легких озерных волнах лениво покачивался понтон. Эти волны добежали до спасательной вышки, основание которой покоилось на самом дне. Поблизости находилась одна из множества велопарковок, разбросанных по всему кампусу, с несколькими ярко-красными школьными велосипедами. Энди не сразу смогла поймать равновесие, но вскоре она уже катила по дороге вдоль берега.

По иронии судьбы, день выдался необычайно поэтичный. Бездонное лазурное небо украшали невероятно пухлые облака. В теплом воздухе сквозила прохлада, предупреждая о скором наступлении зимы. Под шинами велосипеда с хрустом ломались опавшие листья, а их собратья, еще цеплявшиеся за ветви деревьев, в своем цветном бунте пронзительно возвещали о неминуемой кончине.

«Очеловеченная природа, – однажды заметил Даллас, – привносит в человеческое понимание то, что скрывается за пределами нашего понимания».

Вот и он скрывался все эти годы прямо здесь, под зримой гладью озерного пейзажа...

В первое время ходило много вполне правдоподобных слухов, хотя нынешняя версия насильственной смерти от рук преступника казалась откровенной натяжкой. Остальные версии сосредотачивались вокруг того, что Даллас сбежал и живет себе под псевдонимом, затаявшись в какой-то глуши: Мексике, Центральной Америке, а может, даже в джунглях Австралии. Разумеется, считали, что во всем виновата женщина... и не просто женщина, заметьте, а соблазнительная сирена, чьи волшебные песни пленили его и сбили с пути истинного.

Все эти годы Энди время от времени пыталась найти его следы в «Гугле». Но ни разу не обнаружила ничего нового, кроме сборника коротких рассказов, благодаря которым он и стал известным в литературном мире, книжки стихов, отмеченной премией «Лос-Анджелес таймс» и укрепившей его славу, да нескольких стихотворений, опубликованных в литературных журналах до появления в Гленлейке.

Энди заметила группу белых дубов. Теперь они подросли, но стояли все в том же семейном порядке, что и раньше: как папа, мама и малыш. Она свернула с дороги, нашла большой плоский камень, служивший дорожным ориентиром, и, спрыгнув с велосипеда, спрятала его в кустах, чтобы случайный прохожий не надумал укатить на нем обратно в кампус. Сорвав с одной из нижних ветвей белого дуба сладкий зеленый желудь и покусывая его, Энди пробиралась дальше по заброшенной дороге, поросшей соковыми воспоминаниями.

28 сентября 1996 года, суббота

Сегодня, решив не ездить на субботнюю экскурсию в Чикагский музей естественной истории, а также отказавшись от общения с Йеном и просмотра классного фильма, я отправилась в лес на прогулку. Офигенную Прогулку На Природе. В общем-то, особого выбора у меня не было: по заданию Далласа нам предстояло отправиться на природу и, вдохновившись ее красотами, сочинить отпадное стихотворение.

И сдать его в понедельник.

Джорджина приглашала меня погулять с ней завтра, но родители Йена приехали на собрание попечителей. Они уезжают завтра, но меня пригласили на прощальный семейный обед. Иными словами, для прогулки оставалась только суббота.

Я уже ходила на факультатив достаточно долго, чтобы понять, какой смысл Даллас вкладывает в определение «отпадности». Заданное стихотворение – в его понимании – должно каким-то образом охватывать творчество Роберта Фроста, изучаемое нами последнюю неделю: природные реалии, ясность, простота, метафизический подтекст и т. д. и т. п. Если это вообще возможно. То есть если мы специально изучали этого Роберта Фроста.

Я начала прогулку по кампусу, приглядываясь к деревьям, птицам и газонам, и всему прочему окружению. Но вместо вдохновения у меня мелькнуло желание отправиться в школьную библиотеку, найти по возможности самый старый, запыленный поэтический сборник и вытащить из забытья одно-другое готовое стихотворение. Жаль, конечно, но нет ни малейшего риска того, что благодаря энциклопедическим знаниям Даллас помнит все когда-либо написанные стихотворные опусы. Не думаю, к примеру, что кому-то взбрдет в голову выдавать за свое творчество стихи некоего Джона Смита или ему подобного виршеплета, и, уж конечно, не тому, кто сам написал полсотни искренних и честных стихов. И вообще, любой плагиат грозит позором и исключением из школы. Согласно этическому кодексу Гленлейка.

Естественно, вместо библиотеки я направилась к озеру Лумис, прихлебывая воду со вкусом пластика из походной бутылки и умоляя природу подарить мне вдохновенную мелодию.

Однако услышала лишь странный приглушенный шум.

Оглядевшись, я увидела приземистый, вызывающе мощный автомобиль перламутрово-голубого цвета, с решетчатой облицовкой радиатора, похожей на разинутую пасть.

Когда машина замедлила ход и остановилась около меня, я заметила за рулем самого дьявольского красавчика.

– По общему мнению, мистер Фрост в данном случае говорил: «Середина дороги – там, где проходит белая полоса, – худшее место для езды», – процитировала я.

– Интересно, как далеко он продвинулся по этой полосе, – рассмеявшись, заметил Даллас. – Вполне вероятно, что он наблюдал за движением из-за придорожных деревьев.

– Может, потому, что он, так же как и я, не испытывал еще в полной мере лирического вдохновения от прогулки на природе.

– Вероятно, потому, что настала пора для творческого урока на свежем воздухе. – Даллас перегнулся через пассажирское кресло и открыл дверцу. – Залезайте.

Следующее, что я помню, как мы, пролетев полдороги вокруг озера, припарковались возле стайки белых дубов.

Когда вылезли из машины, Даллас сорвал желудь с одной из нижних веток.

– Попробуйте, – предложил он.

– Я же не белка.

– А вы представьте, что белка. И на самом деле такие дубы плодоносят лишь раз в четыре года.

– Разве желуди у них не ядовитые?

Даллас покачал головой, откусил кусочек желудя и оглянулся на светлые стволы деревьев.

Я тоже попробовала. Как ни странно, желудевая плоть оказалась сладкой.

– А теперь следуйте за мной.

– Далеко ли?

– В такое место, что я искал всю жизнь, а нашел совсем недавно.

Мы вышли на грунтовую дорогу, изрезанную глубокими колеями, где, как сказал Даллас, он не рискнул проехать на своем «почти новом «Чарджере 69»».

Вероятно, мне следовало бы испытывать некоторую неловкость, гуляя по лесу с преподавателем, но я ее почему-то не испытывала. Ведь, пока мы гуляли, он в основном читал мне лекцию о местных иллинойских деревьях и растениях, и о символизме природы в поэзии.

– Видите? – спросил Даллас, показывая на большой серый гриб, похожий на слоновье ухо и, должно быть, ядовитый. – Он навеял мне основную идею «Двух бродяг в распутицу».

– Светлые и темные стороны природы, – добавила я, вспомнив вчерашнюю лекцию.

– Bravo до гениальности, мисс Блум!

Показалось ли мне, что Даллас особенно подчеркнул слово «гениальность»? Неужели он действительно считал меня такой?

– Шагая по песчаному пляжу и глядя, как волны разбиваются о берег, я определенно чувствую и опасность, и красоту. Но здешняя природа для меня слишком... банальна.

– Вы не можете изжить в себе девушку из Калифорнии... – Он с легкой усмешкой покачал головой. – Как же вы оказались в этой лучшей частной школе, равно удаленной как от Западного, так и от Восточного побережий?

– Это, в общем, долгая история.

– Но мы же пока не торопимся. И вы, кстати, можете опустить историю приезда сюда, сославшись на ценную школьную программу, способствующую литературному творчеству. Мне известно, что вы появились здесь как своего рода литературный вундеркинд и до сих пор умудряетесь удивлять всех своими талантами и обаятельной индивидуальностью.

Я почувствовала себя польщенной до глубины души и в то же время на редкость уязвимой.

– В какой-то мере, – удалось выдать мне.

– Вздор, – возразил он, – вы уже покорили здесь всех и каждого...

– Кроме вас, естественно?

– А вы не думаете, что мы с вами, – вдруг спросил Даллас, так резко остановившись и повернувшись ко мне, что я едва увернулась от столкновения, – отличаемся от всех?

– Наверное, отличаемся, – согласилась я, отметив, что вблизи исходящий от него запах сигарет дополняется каким-то благоуханием. Приятный мужской запах... или по крайней мере так могло пахнуть от человека, который не ленится почаще менять свои синие рубашки, избегая стирки.

Мы продолжили путь в молчании, насыщенном звуками природы. Ветер шелестел листьями, воздух оживляло стрекотание цикад, щебетали птицы, готовясь к предстоящему путешествию на юг, а высоко в небе даже пролетал самолет.

– Мой отец создал для меня миф, и три последних года я провела в попытках соответствовать ему, – наконец призналась я.

Впервые. До сих пор я не признавалась в этом никому. Даже Йену.

– Судя по всему, вы преуспели.

– Мне понравился и сам Гленлейк, и его писательская программа, – сказала я, надеясь, что он не увидит, как покраснели, должно быть, мои щеки, – но приезд сюда не был результатом моего выбора.

– Вас сбагрили в школу-интернат в расцвете вашей юной жизни в Беверли-Хиллз?

– Скорее уж в расцвете папиной карьеры и его новой роли по жизни – любящего мужа и любящего отца для моей мачехи и мелких сводных сестричек, с постоянными посягательствами на мою свободу.

– Ну и дела! – воскликнул Даллас.

– Честно говоря, все это лето я провела, слушая включенную на полную громкость «Улицу Сезам» и скучая по Гленлейку.

– А что же ваша родная мать?

– Умерла, – сообщила я тоном, не допускающим дальнейших обсуждений, явно осознав, что надо пресечь дальнейший разговор на эту тему.

– Извините, очень жаль, – откликнулся Даллас, поняв намек.

Я старалась не думать о маме. Слишком болезненными оставались воспоминания. Но иногда я избегала мыслей о ней потому, что почти не сомневалась: теперь она стала всевидящей и вездесущей.

Глупо, я понимаю.

Дальше мы шли в молчании. Наконец деревья расступились, и закончилась сама эта изрытая колеями дорога. Мы оказались на травянистой поляне с видом на озеро.

Даллас взял меня за руку и подвел к скалистому выступу. Я пыталась убедить себя, что моя нервная дрожь вызвана тем, что я смотрела с отвесного обрыва на блестящую далеко внизу воду. Но это не объясняло, почему мои пальцы вдруг стали на редкость чувствительными. Из головы улетучились все мысли, кроме той, что учитель коснулся меня и моя рука соприкоснулась с его рукой. Странное, почти интимное прикосновение. Я лишь надеялась, что моя ладонь не вспотела.

Быстро отступив назад, я сказала:

– Я боюсь высоты.

– Вы в безопасности, – прошептал Даллас, мягко подводя меня обратно к краю, – уверяю вас.

Я постаралась успокоиться, но ноги предательски дрожали.

– Под этим прекрасным спокойствием таятся смятенные и бурные течения, – продолжил он, отпустив мою руку и мягко, но крепко обняв меня за плечи. – А теперь закройте глаза.

Я закрыла.

– Когда вы откроете их, я хочу, чтобы вы описали мне все, что увидите перед мысленным взором. И почувствуете.

Я долго стояла, зажмурившись, но наконец, опять глянув вниз, сказала:

– Отвесная земная твердь скалы отступает перед...

– Перед?

– Хладным, волнуемым ветром серебром волн...

– Неплохо. Но вы можете лучше.

– Уверенных в том, что осень и зима принесут... ледяные объятия. Ведь под этой водной гладью сокрыто неведомое...

– Превосходно, – оценил Даллас, отводя меня от края, и, заглянув мне в глаза, добавил: – Искренне.

* * *

Стоя на краю скалы, Энди смотрела вниз с трепетом, резко отличавшимся от того волнующего чувства, что она испытала здесь так много лет назад.

Вместо нетронутой природы, как в том далеком прошлом, где «отвесная земная твердь скалы отступала перед холодным, волнуемым ветром серебром вод», внизу топорщился взрытый машинами участок берега, оцепленный потрепанной желтой лентой.

Да, берег выглядел именно так, как она представляла.

Женщина попыталась представить, как капот проржавевшего за долгие годы «Чарджера» поднимается из озерной глади, как изливаются из его разбитых окон потоки воды. Как автомобиль опускается на палубу баржи, и кто-то, первым открыв дверцу, видит покрытые илом, когда-то сине-белые, сделанные на заказ кожаные сиденья, рулевое колесо, когда-то блестящее, как оникс, и... скелет.

После стольких лет неизвестности Даллас все-таки нашелся. Вырвался из-под этих испещренных солнечными бликами вод.

Она зажмурилась и вновь открыла глаза, точно так же, как сделала больше двух десятилетий назад на лесной прогулке.

Но сейчас в мыслях промелькнуло лишь два слова: *мутные воды*.

Энди впервые подумала об одной странности – сейчас ей уже исполнилось столько лет, сколько было Далласу в тот день, когда он, видимо, умер.

А Кэссиди исполнилось столько же лет, сколько было в то время ей самой.

Глава 5

Йен проснулся в смятении, услышав странный трезвон своего мобильного. В его голове еще крутились яркие картины сна, в котором они с Энди, как дежурные по общежитию Кэссиди, живя в том же здании, устраивали для находящихся на их попечении школьников праздничные выходные. В конце сна был момент паники в так называемой «сумеречной зоне»¹⁶, когда его посетило леденящее душу откровение: «Как странно, похоже, мы с Кэссиди одного возраста!»

И в этот момент зазвенел будильник смартфона.

Возвращаясь к реальности, Йен медленно встал, сразу почувствовав боль в спине, поскольку спал на скомканных покрывалах. Вернувшись с позднего завтрака, они обнаружили, что горничная еще не успела убрать номер, поэтому простыни пахли сексом, потом, и к тому же его продолжало мучить похмелье... Стащив с себя брюки, Йен побрел в ванную, намереваясь второй раз за день принять оживляющий душ.

«Не надо было пить третий, четвертый и пятый, – думал он, стоя под бодрящими струями горячей воды, – или даже шестой коктейль...»

Вечер свернул с проторенной дорожки после провокационного откровения Уэйна Келли. После трех лет посещений Гленлейка в качестве отца Кэссиди и двух десятков лет периодических визитов на акции по сбору денег, Йен наконец перестал нервничать, решив, что тема Далласа Уокера похоронена навсегда.

А теперь, подобно призраку из собственного стиха, чертов поэт вернулся в Гленлейк, чтобы своим жутким видом разрушить спокойствие этого мира, самодовольно указывая пальцем на здешних тупых горожан, преподавая им урок, дабы вечно они жили в страхе.

Однако Даллас Уокер не сочинял такого стихотворения.

О чем, черт побери, думал Келли, привлекая к этому расследованию смешанную группу школьников из разных классов? Подростки, вероятно, воспринимают это как игру, но сама ситуация чревата опасными последствиями. Его родная дочь сегодня за завтраком задавала чертовски серьезные вопросы. Вооружив своих семинаристов граблями и лопатами, долбаный журналист отправил их на минное поле.

Или, говоря конкретнее, скалу.

Ту самую скалу.

По крайней мере это выглядело как самоубийство. Даллас не мог свалиться оттуда случайно. Если повезет, полиция с этим согласится и дети не смогут найти ничего, что могло бы опровергнуть это предположение. Или узнать, кто из учеников видел Далласа вне класса в его последние дни...

Может, лучше не оставлять все на волю случая? Йен не мог снова потерять Энди. Ведь он привык думать, что Даллас уехал по собственному желанию, из-за того, что случилось. Могла ли быть связана с этим его смерть? Понимала ли Энди, что однажды его могут найти?

В голове немного прояснилось. Йен машинально оделся – брюки, рубашка поло, кроссовки, ветровка – и, забравшись в машину, собрался ехать обратно в кампус. Перед уходом он не забыл повесить на дверную ручку табличку с просьбой убрать номер.

Некоторые родители и учителя предпочли бы облачиться в свитера и спортивные костюмы, в свете предстоящего традиционного для родительских выходных турнира по стикболу, но Йена это не волновало. Долгие годы это объяснялось его презрением к симптомам дряхлости мужчин среднего возраста в спортивных костюмах, наряду с нежеланием выглядеть

¹⁶ Граница между сном и бодрствованием.

излишне озабоченным стилем своей одежды. Веселее выглядеть парнем, приодевшись как для барбекю, а потом потрясти всех мастерским ударом.

Но в этом году ему было наплевать даже на игру.

Когда он приблизился к полям, его телефон завибрировал, приняв сообщение от Энди.

Ты еще не проснулся?

Остановившись в кампусе, он ответил, слегка раздраженный, но неспособный оправдать свою потребность в полуденном сне: *Где ты?*

Студенческий клуб. Кофе с миссис Генри.

Передавай ей привет, – написал он. – Увидимся на игре.

Скоро подойду, – ответила Энди.

Убрав смартфон в карман и мельком окинув взглядом первых прибывших на игровые поля участников, Йен вдруг увидел призрак.

Нет, не призрак, но лицо, заставившее его похолодеть. Он никак не ожидал увидеть этого человека после выпуска из Гленлейка, не говоря уж о том, чтобы увидеть его в служебной униформе.

Ссутулившийся и поседевший мужчина толкал тачку по линии третьей базы к «дому». Годы его не пощадили: когда-то он был высоким, мощным и пугающе крутым для семнадцатилетнего Йена.

Как же его звали? Как-то на Р... может, Рей? Нет, Рой.

Рой.

11 октября 1996 года, пятница

Сегодня бильярдный клуб отправился на выездную игру. Даллас сообщил, что поскольку ни одна из школ, где мы соревнуемся в «футболе¹⁷, лакроссе и хоккее на траве» (как будто парни играют в хоккей на траве), не имеет «бильярдных команд», нам придется «устроить состязание в подходящей случаю обстановке». Она оказалась в баре.

– Надеюсь, все захватили с собой четвертаки? – спросил Даллас, когда мы остановились перед захудалым притоном под названием «Салун Кайла».

Наши парни чуть не обделались, увидев перед входом настоящие «Харли-Дэвидсоны», хотя там и стояло всего два таких мотоцикла. Дело было днем, поэтому стильные байки не пробуждали воспоминания о жутких сценах из «Дома у дороги»¹⁸ или еще какого-то триллера.

Внутри было практически пусто, что, видимо, потрясло Далласа. Правда, там торчал жуткий на вид парень по имени Рой; очевидно, он поджидал нас. Он был КРУТЫМ АМБАЛОМ с самодельными татуировками на руках и шее. Даллас по-братски обнял его и сообщил нам, что частенько заглядывает сюда выпить пива и сыграть с Роем в бильярд. Возможно, это было правдой, но Рой не выглядел дружелюбным.

Мы разбились на три пары для короткого турнира. Рой, Даллас и я, как сильнейшие игроки, разошлись по разным командам. Майку выпало играть с Роем, Джейкобу – с Далласом, а Патрику – со мной. Пары Роя и Далласа играли первыми, и Рой практически ни разу не промахнулся, несмотря на то, что использовал какие-то дикие приемы. По-моему, Майки со страху наложил

¹⁷ В данном случае имеется в виду европейский футбол.

¹⁸ «Дом у дороги» (в русском переводе также известен как «Придорожная забегаловка») – американский боевик (1989).

в штаны, но ему достался всего один удар, да и то не решающий. Рой бил по шару, держа кий одной, левой рукой, да еще и посмеивался. Естественно, они выиграли.

Следующими начали Даллас и Джейкоб. Патрик играл лучше Джейкоба, а я почти так же хорошо, как Даллас, поэтому игра шла на равных и... мы победили! Я заметил, что Даллас разозлился, особенно когда Рой буркнул, что проигравший ставит пиво.

Когда Даллас вернулся с парой кружек пива, Рой спросил:

– А как же твои ребята? – очевидно, имея в виду нас.

– Но они ж еще маленькие, – заявил Даллас, а Рой тут же передразнил его:

– Ах, они з есё майинькие.

А когда Даллас вроде как решил принести нам пива, он остановил его, спросив:

– Ты что, хочешь, чтобы нас с тобой посадили?

Мне стало почти жаль Далласа, но выглядело это смешно.

После окончания турнира, когда мы все набились обратно в «Чарджер», причем мне досталось место на переднем сиденье, Даллас мрачно изрек:

– Врожденная власть над жизнью пасует перед коварством трех шаров слоновой кости, – сообщив нам, что процитировал строчку из одного стихотворного цикла Эдвина Арлингтона Робинсона¹⁹.

Джейкоб спросил его, о чем это стихотворение, и Даллас ответил:

– Сами поищите. Слышали когда-нибудь о таком заведении, как библиотека? – В общем, сказал что-то в таком роде.

Подозреваю, он все еще злился из-за того, что продул.

Даллас, может, и круче большинства наших преподав, но он тоже бывает козлом.

* * *

Теперь Рой не производил ужасающего впечатления: его мощный костяк словно съжился, татуировка на шее над потрепанным воротником форменной куртки выцвела и сморщилась. Йен следил, как он снимает базы с тачки и раскладывает их по игровому полю, расставляет возле бортов корзины с мячами и выкладывает наборы палок на скамейки по краям поля.

Потом с сосредоточенностью, порожденной, казалось, глубокой усталостью, Рой обвел мелом контур первой базы, пока ученики, учителя и родители толпились вокруг, разделяясь на команды и вообще не замечая его.

Сейчас приятелю Далласа, должно быть, перевалило за шестьдесят, и выглядел он так, словно каждый прожитый год давался ему с неизменным тяжким трудом. Интересно, давно ли он начал работать в Гленлейке? В свои школьные годы Йен даже не задумывался о том, на какие деньги жил этот верзила – вероятно, можно было заподозрить, что Рой, разъезжая по округе на своем байке, приторговывал наркотой да гонял шары на бильярде. Может, даже немного подворовывал на стороне.

К счастью, даже у Далласа тогда хватило ума объявить, что они играют не на деньги.

¹⁹ Эдвин Арлингтон Робинсон (1869–1935) – американский поэт, писатель и драматург, лауреат Пулитцеровской премии; мастер циклов, цитируется стихотворение «Мастер бильярда» из одноименного цикла.

Члены клуба «Меткий кий» еще несколько дней подпитывались адреналином той поездки. Два парня, отсутствующие на бильярдном турнире, сгорали от зависти, думая, что пропустили какой-то суперский обряд посвящения, а Йен, Майк, Джейкоб и Патрик всячески укрепляли в них эту мысль. Лишь позднее Йен понял, что показательный акт бунтарства Далласа против правил власть имущих мог бы уже тогда стать для него своего рода предупреждающим знаком.

Послышался громкий свист, и руководитель школьного спортивного общества начал продираться через толпу с большим холщовым мешком и набором разноцветных фартуков. Ежегодный турнир по стикболу вошел в традицию родительских выходных еще в начале двадцатого века: эту обычную уличную игру выбрали, исходя из предположения, что с ней не знаком никто из привилегированного контингента Гленлейка, а значит, все будут в равном невыигрышном положении. Для укрепления братского духа команды набирались случайным образом из учеников, родителей и преподавателей; при этом намеренно старались разделить семейные или дружеские компании, выдавая им форменные атрибуты разных командных цветов.

После своего формирования команды обычно играли короткие матчи на соседних полях для софтбола, а судили игру и подсчитывали очки пожилые выпускники, которым уже было не под силу бегать по базам. Игроки-победители оставляли свои подписи и дату матча на одной из игровых палок, которую торжественно устанавливали пусть и не на самое почетное место, но в один из стендов школьных спортивных трофеев.

Когда руководитель соревнований вручил ему красный фартук, Йен перехватил взгляд Тома Харкинса, потрясавшего своим: синим. Они оба с усмешкой пожали плечами, когда усиленный рупором голос тренера велел командам синих и красных разойтись по разным площадкам.

Заметив неподалеку неохваченного еще Уэйна Келли, Йен достал из мешка красный фартук. Протолкавшись через толпу, он вручил этот фартук журналисту.

– Он сказал, что вы в моей команде, – Йен кивнул вслед руководителю.

Келли удивленно приподнял брови, но надел фартук.

– Вы когда-нибудь играли в стикбол?

Мужчины направились к назначенной им площадке, чтобы сыграть с командой зеленых.

– До двенадцати лет я жил в Северной Филадельфии, – с усмешкой ответил Келли.

– Так вы профи?

– Я подумал, что именно поэтому вы пригласили меня в свою команду.

– Ты проиграешь, старик! – выкрикнула Кэссиди с площадки, где синим предстояло играть против желтых.

Йен, улыбнувшись, помахал ей.

– Судя по вашему обмену любезностями, вы, должно быть, отец Кэссиди, – заметил учитель.

– Виновен, – откликнулся Йен, благодарный дочери за то, что она невольно предоставила ему повод для начала нужного разговора. – Надеюсь, Кэсс не слишком шалит на занятиях. Порой она бывает весьма назойливой и упрямой.

– Вы что, шутите? – поинтересовался Уэйн. – Это же как раз то, что нужно журналисту! Любознательность. И настойчивость в получении ответов, без страха показаться назойливой.

Подойдя к стоявшему на краю скамейки кулеру, Йен налил воды в пластиковый стаканчик. Вода оказалась теплой, но он все равно ополовинил стакан.

– Ну, я не уверен, что она собирается заниматься журналистикой, хотя определенно увлечена вашими занятиями. Дочь сегодня так дотошно допрашивала нас с женой, что я уж собрался спросить ее, не прячет ли она на себе шпионский жучок.

– Именно об этом я и говорил! – рассмеявшись, воскликнул Келли. – Они с Тэйтом чертовски увлеклись этим проектом.

– Кто такой Тэйт?

– Тэйт Холланд. Именно этот парнишка обнаружил автомобиль. Они постоянно тусуются вместе.

– Надо же, как интересно, – проворчал Йен, пытаясь представить, как может выглядеть парень по имени Тэйт Холланд.

Каковы шансы, что у него нет прилизанных гелем светлых волос, веснушчатого носа и шкафа, полного модных шмоток? Йена немного удивило, что его свободолюбивая и независимая дочь запала на какого-то здешнего парня... хотя разве не то же самое произошло когда-то с ее матерью?

– Она достигла возраста, когда личные отношения охраняются так же тщательно, как и государственные тайны.

– Ха! Однако она решилась поспрашивать вас? То есть, видимо, вы учились здесь, когда в школе преподавал Даллас Уокер...

– Да, мы с женой тогда учились в выпускных классах, – ответил Йен, не желая упоминать имени Энди, хотя и понимал, что Кэссиди все равно расскажет.

– Круто, – сказал Уэйн, и вновь Йен толком не понял, к чему относится его замечание. «Раз вы учились здесь во время его исчезновения, то помните, должно быть, какое грандиозное смятение оно породило... Какие слухи ходили по кампусу и городку... Наверное, и у вас имелась какая-то своя версия...»

«Он не просто учитель, а профессиональный журналист», – напомнил себе Йэн, обдумывая, как лучше ответить. Он как раз надеялся разжиться информацией, но чертов Уэйн с легкостью завладел его ролью.

– Даллас Уокер представлял себя бунтующим грешником, – наконец ответил Йен. – По моему, он компенсировал свои пороки, скажем так, в поэтическом творчестве. Ему хотелось быть обычным парнем, душой общества, и он гордился тем, что нарушает всяческие правила, гордился собственной непредсказуемостью. Одни думали, что он сбежал в Мексику. Другие считали, что его мог пристукнуть случайный попутчик.

Вдали за полями он заметил сутулую фигуру Роя, толкавшего свою тележку, и добавил:

– Наверное, я всегда подозревал одного из городских пьянчужек, с которыми яхшался Даллас Уокер. Ходили слухи, что он тусовался с крутыми парнями... байкерами и даже с фактически преступниками.

– Для этого имелись какие-то доказательства?

– Не знаю, но я был членом его бильярдного клуба, который он окрестил «Меткий кий». Возил нас играть в довольно сомнительные забегаловки, где имелись бильярдные залы. Один из них находился в байкерском баре.

Уэйн присвистнул.

– Должен признаться, меня немного удивило, что школьные власти поддержали ваш проект.

– О нет, вряд ли, – небрежно возразил Келли, – однако в этом году они пригласили не поэта, а журналиста, специализирующегося на расследованиях.

Йен задумался, много ли Уэйн Келли сумеет выжать из его замечаний. Репортеров наверняка учили стряпать блюда из крошечного набора ингредиентов. Но если он сумеет подобрать правильные крошки, все может получиться не так уж плохо...

– На вашем месте, – заметил Йен, – я начал бы с подонков, с которыми общался Даллас Уокер. Уверен, что большего и не потребуется.

Глава 6

– А твой предок определенно поладил с мистером Келли, – заметил Тэйт, найдя Кэссиди в толпе, когда турнир закончился и игроки вместе со зрителями потянулись к столу, где ожидалось награждение победителей.

Естественно, выиграла папина команда. Хотя церемония награждения была скорее шуточной – по традиции победителей награждали «ведром воды», куда на самом деле насыпались конфетти. Прикол, способный одурачить только первогодков и их родителей. Кэссиди вдруг осознала, что специально держится поодаль, не желая быть в первых рядах, когда капитан команды красных Йен Коупленд поднимет этот дешевый трофей.

– Вероятно, папа просто обрадовался, узнав, что мистер Келли такой же хороший спортсмен, как он сам.

Она не могла толком понять, почему ее обеспокоило их столь дружеское общение. Может, потому, что обычно родители предпочитали не вмешиваться в ее школьную жизнь...

– Мои предки уже наговорили Келли, какой я замечательный мальчик. Короче, все свое время в этот заезд они посвятили тому, чтобы попытаться переиграть наши традиции, – признался Тэйт.

Ее предки таких попыток не предпринимали. Стиль общения Коуплендов подразумевал небрежные комментарии, брошенные людям с заведомо предсказуемой реакцией, не затрагивая при этом реальных проблем. Это давало отличные преимущества по жизни, но также и сводило с ума, поскольку они редко говорили честно о том, о чем действительно думали.

И тем не менее почему же мама с папой ни разу не упоминали о странном исчезновении преподавателя? А ведь они рассказывали о своих школьных годах довольно много...

– А твои родители говорили что-нибудь про Далласа Уокера? – спросила она Тэйта.

– По мнению мамы, мне просто повезло, что меня не вышибли отсюда за «подлунный закидон». Она говорит, что в случае исключения закончилась бы привычная мне жизнь.

Кэссиди почувствовала неожиданное чувство потери при одной только мысли о том, что это расследование и весь учебный год могли бы проходить без Тэйта.

– А что сказал твой папа?

– Он учился здесь задолго до Уокера и вообще не особо заинтересовался этим проектом. Хотя он чертовски горд тем, что мне хватило смелости попытаться вернуть традицию подлунных занываний в озеро Лумис.

– Мой герой! – воскликнула девушка, просто чтобы посмотреть, как он покраснеет.

Тэйт коснулся ее руки тыльной стороной ладони, отчего по коже пробежали мурашки.

– Извини, – поспешно произнес он.

Порой этот парень вел себя как полный придурок.

Кэссиди глянула вокруг, убедившись, что никто за ними не подглядывал. Единственным недостатком своего избранника она считала то, что он наверняка понравился бы родителям: числился лучшим учеником и – не считая ныряния при луне – совершенно благонадежным.

Но с чего бы ей винить его в этом? Она же не любила его, хотя он ей очень нравился. И не собиралась рассказывать о нем в ближайшее время. Фактически раз родители не посвящали ее в свои тайны, то и она определенно могла не делиться своими.

Невольно усмехнувшись, Кэссиди вскинула голову и поцеловала Тэйта в губы.

Глава 7

Личный дневник Энди Блум, школа Гленлейк

29 сентября 1996 года, воскресенье

– Я никогда не перестану желать тебя, – признался как-то вечером в прошлом году Йен. Его слова очень тронули меня, пока он не продолжил: – Мой отец говорит, что придется, но я не перестану. Никогда.

Я убеждала себя, что он преувеличивает, поскольку мы тогда немного выпили и были под кайфом, однако невольно вспоминала его признание всякий раз, когда Коупленды приезжали в школу, что бывало регулярно, поскольку мистер Коупленд возглавлял совет попечителей.

Я им не нравлюсь, но они неизменно предельно вежливы.

Мистер Коупленд, попросту Коуп, приветствуя меня сегодня за ланчем, как обычно, излишне крепко пожал мою руку. Миссис Коупленд, или Биз, послала мне воздушный поцелуй. Она всегда достаточно дружелюбна, но за три года приглашала меня в Сент-Луис только раз – в прошлом ноябре, когда узнала, что у меня уже назначена встреча с папой и его выводком в Нью-Йорке на День благодарения, который я могла бы с тем же успехом пропустить. Йен говорит, что меня пригласят этим летом в их мичиганскую хижину, но я не горю желанием.

– Они странно относятся к твоему пребыванию в хижине, опасаясь последствий нашей излишней близости, – говорил он когда-то после нашего первого интимного общения.

Не важно, что у половины здешних ребят есть домики на этом же самом озере, а дом Йена стал эпицентром тусовок не только для здешних знакомых.

– Они предельно традиционны, когда дело доходит до наших взаимоотношений.

Мы оба знаем, что тайна их традиционности объясняется моим еврейским происхождением.

Мы оба знаем, что они боятся, как бы он не женился на мне, одном из славных символов широты взглядов Гленлейка. Хорошо еще, что Йен не втюрился в Кристал Томас, ведь у нее (подумать только!) афроамериканские корни. То есть вряд ли меня признают в загородном клубе, куда я формально не имею права вступить, из-за темных кудряшек, заметной красноречивой кривизны носа и других очевидных признаков, неприемлемых в епископальной традиции!

Когда его родители упоминали этот клуб (а они умудряются поминать его постоянно: «Ах, этот салат с макаронами по вкусу точно такой же, какой недавно появился в меню нашего клуба»), меня так и подмывало подбавить буржуазности в застолье, заявив, что отец мог бы купить этот клуб со всеми прилегающими полями для гольфа. Но вместо этого я мило улыбалась, кивая с фальшивым интересом, и следила за правильным использованием ножа и вилки. В общем, вела себя так, словно меня пригласили на изысканный

котильон на первом же балу в Беверли-Хиллз. Не важно, что я даже не слышала о котильоне, пока не приехала на Средний Запад.

– Как дела с поступлением в колледж? – поинтересовался мистер Коупленд.

– Спасибо, хорошо.

– Полагаю, вы подаете заявление в одно из заведений Калифорнии? – с излишней надеждой спросила миссис Коупленд.

– В том числе, – подтвердила я.

– Отлично, – хором откликнулась чета Коуплендов.

– Но я рассматриваю и другие варианты.

– Вы уже выбрали, что вас привлекает больше всего? – поинтересовался мистер Коупленд.

– Нет, пока жду ответов на поданные заявления.

– Разумно, – опять в унисон одобрили они.

– Надеюсь, она поступит в колледж Смит, – вставил Йен.

– Совсем недалеко от Амхерста, – заметила Биз и изящно отправила в рот листик салата, который почему-то потребовал необычайно большого числа жевательных движений, и наконец, проглотив прожеванное, добавила: – Было бы славно.

– Не могу дождаться, сынок, когда ты облачишься в фиолетово-белую мантию, – сказал мистер Коупленд, похлопав своего отпрыска по спине.

– Я уверена, что у Энди будет большой выбор колледжей, – заключила миссис Коупленд.

30 сентября 1996 года, понедельник

Сегодня нам заменили занятие по курсу поэзии. Даллас то ли заболел, то ли уехал на деловую встречу, то ли корпел над незаконченной поэмой.

Я соврала бы, сказав, что ничуть не расстроилась. Я очень старалась написать заданное стихотворение о природе, и мне не терпелось услышать его мнение.

Джорджина, видимо, расстроилась еще больше меня, ибо явно запала на Далласа. Естественно, она отрицает это, но постоянно говорит только о нем. Хотя, по ее утверждению, это объясняется всего лишь тем, что обе мы в одном классе, а он исключительно требовательный учитель. Может, и так, но обычно Джорджина твердит не о требовательности, а о том, как он «клево выглядит для такого старикана», нахваливает его клетчатую рубашку, рассуждает о том, обзавелся ли он уже миссис Даллас Уокер, или о том, каким «очаровашкой» он, вероятно, был в юности, или взхлеб рассказывает о том, как она видела его в крутой винтажной тачке.

Я не посмела признаться, что каталась в этой самой тачке, или о том, что та самая клетчатая рубашка была на нем, когда мы вместе гуляли в лесу. И, уж конечно, я не рассказала, что он обнимал меня за плечи.

Когда подменявшая Далласа миссис Кейтс спросила, что вдохновило меня на такие восхитительные ассоциации со «Съедобными желудями», я ответила, не вдаваясь в подробности: «Прогулка вокруг озера».

8 октября 1996 года, октябрь

Самое замечательное в нашем с Йеном общении то, что мы никогда не раздражаем друг друга.

Почти никогда.

За исключением сегодняшнего вечера.

Во-первых, он постоянно чавкал своей жвачкой, пока мы составляли и проверяли наши заявления в колледж. Во-вторых, упорно пытался поцеловать или облапать меня, когда ему казалось, что никто в аудитории на нас не смотрит.

Да, иногда он просто нахально распускает ручонки.

Я, может, и не возражала бы, но его постоянная потребность в моих советах практически по каждому написанному предложению сводит с ума. Я понимаю, что из нас двоих мне отведена признанная роль «писательницы», однако же пока это были только черновики, которые мы будем завтра корректировать в подготовительном классе и переписывать еще множество раз, прежде чем они будут готовы к отправке.

И в любом случае я никак не могла выбрать, над чем же мне хочется работать: «Напишите хокку, лимерик или короткое стихотворение, которое будет лучше всего представлять ваши способности».

Да, Йен и Энди

Будут вместе навеки,

Но не сейчас, да?

10 октября 1996 года, четверг

– Должно быть, комитет по принятию заявлений вдоволь посмеется, – заметил Даллас, прочитав рекомендации по составлению заявлений. – Я имею в виду, черт побери, вступительный лимерик. Что в нем можно сочинить?..

Жил парнишка по имени Даллас

И мечтал о дворце на скалах.

В жажде денег и знаний,

Сдал он в колледж экзамен,

Но узнал там, как смел его фаллос.

– Однако! – усмехнулась я, чувствуя, как мои щеки наливаются пунцовым цветом.

– Я рад, что повеселил вас, – продолжил Даллас, заложив руки за голову и откинувшись на спинку стула. – Давайте теперь послушаем, что получится у вас.

Еще месяц назад мне и в голову не приходило, что заявление в колледж придется писать в стихах и уж тем более экспромтом сочинять лимерик.

Одна ученица из школы Озерной...

Эта строчка вертелась у меня на языке еще до того, как я попыталась подыскать рифму к Озерной.

Притворной? Просторной? Узорной?

...К Парнасу²⁰ рвалась душою задорной.

Я не знала толком, как лучше продолжить, но все же закончила лимерик:

Решила спросить совета

Стильного учителя-поэта,

Но узнала о рифме смелой и вздорной.

– Bravo, несомненно, – Даллас улыбнулся и покачал головой, – но, как стильный поэт-учитель, я считаю своим долгом предупредить, что подача к рассмотрению любого лимерика будет, скажем так, рискованным гамбитом. Чем он будет лучше, тем больше членов приемной комиссии, вероятно, сочтут себя оскорбленными.

– А что вы думаете по поводу хокку?

– Оставьте хокку для японских мастеров семнадцатого века и эстетствующих позеров века двадцатого.

– Именно поэтому я пыталась написать нечто своеобразное.

И вручила ему стихотворение, с трудом начатое во время библиотечного занятия с Йеном, а позже доработанное в соответствии с рекомендациями университетского консультанта.

– А кстати, в какие университеты вы вообще собираетесь посылать заявления? – спросил Даллас.

– Подходящие мне колледжи есть в Стэнфорде, Колумбии и Брауне.

– Ну конечно.

– Я также пошлю заявления в университеты Нью-Йорка, Беркли, Эванстона, в колледж Боудена в Брансуике и...

– И, дайте угадаю, в Университет Тафтса в Медфорде, в качестве запасного варианта?

– Я больше подумывала об Университете Айовы, там интересная программа литературного творчества.

– Я сберег бы его для магистратуры, – заметил он, – разумеется, если вы полагаете, что дорастете до этого в этой маленькой теплице из оплодотворенных стихов и прозы.

– Не слишком ли грубо? – спросила я.

– Мне понравилась первая строчка вашего стихотворения, – сообщил он, меняя тему. – В сущности, в какой университет вы хотите послать его?

– В колледж Смит в Нортхэмптоне²¹.

– Великолепная школа для писателей.

– Так вы одобряете?

– Безусловно. Хотя я не стал бы настаивать на вашей учебе именно там.

– Йен собирается в колледж Амхёрста, если возьмут, – его имя, слегка застряв на языке, соскользнуло с моих губ, – поэтому мы подумали...

– Мы подумали? – уточнил Даллас. – Или он подумал?

Я не смогла ответить на этот вопрос и предпочла промолчать.

– Пообещайте, что не будете безоговорочно соглашаться с тем, что вам будут советовать, особенно если советы будут касаться неоправданно дорогого, переоцененного и бредового залета в Лигу плюща, – попросил

²⁰ В древнегреческих мифах место постоянного пребывания бога искусств Аполлона.

²¹ Колледж Смит – частный женский гуманитарный колледж, названный по имени Софии Смит (1796–1870), благодаря завещанию и средствам которой он был основан.

Даллас, пристально глядя мне в глаза. – Если, конечно, вы сами не мечтаете к ней приобщиться.

Его слова обескуражили, но одновременно принесли странное облегчение. С момента поступления в Гленлейк я постоянно мучилась, осознавая необходимость выбора будущего колледжа. Хотя просьба не вызвала у меня особого удивления. В конце концов, разве Даллас не появился в нашей школе в ореоле легендарных средних баллов, которые он выставлял самым лучшим и способным, по общему мнению, ученикам?

– Так вы советуете мне не выбирать то, что советуют другие, а выбрать то, что считаете нужным вы?

– То, что будет лучше лично для вас, – усмехнувшись, уточнил Даллас. – Кстати говоря, ваше новое стихотворение определенно представляет ваши способности.

– Однако?..

– Однако в нем не представлены вы сами.

– То есть надо начинать сначала? – огорченно вздохнула я.

– Едва ли, – сказал Даллас и начал по памяти цитировать «Съедобные желуди».

Мое стихотворение.

Что такое орех, как не семя,

Зародыш, способный расти?

Образ дуба, сокрытый в гладкой коричневой капсуле,

Капсуле времени для земного путешествия.

Кто такая девушка, как не деревце,

Тянущееся к небесам?

В поисках воздуха, солнца и влаги,

Она созревает в лесном уединении.

Семя, корень, всход, деревце...

Под моими зубами ломается скорлупа;

Желудевая плоть

Исполнена неведомой сладости.

– Вот это, – заключил он, – ваше видение.

12 октября 1996 года, суббота

Сегодня вечером состоится мой четвертый и последний Осенний бал. Джорджина советует надеть ярко-розовое платье, в котором я танцевала на первом балу, и попросить диджея поставить «Хижину любви» группы «Би-Фифти-Ту-з»²². Именно под эту песню мы впервые танцевали с Йеном. Сильви, главная поклонница и подпевала Джорджины, естественно, поддержала идею.

Если я думала, что мы будем меньше видеть Сильви после ее переселения в другое общежитие, то ошибалась.

Я лично собиралась надеть серебристое платье от «Келвина Кляйна», купленное дома на каникулах. Видимо, от меня ожидают, что я выступлю в стиле «красотки из Калифорнии», особенно по случаю события такого рода.

²² «Би-Фифти-Ту-з» (The B-52s) – американская рок-группа новой волны, основанная в 1976 г.; их песня «Хижина любви» («Love Shack») вышла в 1989 г.

Но ведь нас еще ожидает Зимний бал. Мне кажется, тогда будет более уместно появиться в облегающем наряде с глубоким декольте. Кроме того, серебристое платье будет лучше сочетаться с нарядом Йена, а он вечно ходит на праздники в черном костюме с белой рубашкой. Хотя меня это устраивает. Он выглядит в нем клево и шикарно... впрочем, так он выглядит всегда. Держу пари, что и в ковбойских кожаных штанах Йен выглядел бы как в шмотках от «Брукс бразерс»²³.

Несмотря ни на что, я с нетерпением жду медленного танца с Йеном, а он наверняка выступит с парочкой фигур из котильона²⁴. Пусть даже это невероятно устарело и в духе Среднего Запада.

3 октября 1996 года, воскресенье

Десять главных причин того, почему все прошло хуже некуда. Худший вечер. Полный отстой.

1. Йен застрял с парнями на «поднятии настроения перед балом», сообщив, что мы встретимся прямо в зале.

2. Они появились все вместе, на полчаса позже, называя друг друга «братанами».

3. Он выдал мне контрабандный стаканчик «Джелло»²⁵ из кармана пиджака с таким видом, словно сделал подарок на годовщину.

4. «Джелло» оказался похож на апельсиновый сироп от кашля.

5. В этом платье, слишком детском и блестящем, я выглядела и чувствовала себя какой-то девятиклашкой.

6. Йен в любом случае даже не запомнил, как я была одета.

7. Когда диджей поставил «Хижину любви», Йен пропал в туалете.

8. Пока мы медленно танцевали под какую-то мажорную балладу, Патрик Моррис решил, что будет весело и, несомненно, супер по-взрослому, схватить Йена сзади за брюки и подтянуть их вверх так, чтобы они врезались между ягодиц.

9. Одним из следивших за порядком преподавателей был Даллас.

10. Когда он не посматривал тоскливо и обескураженно на Йена и идиотов, известных как членов клуба «Меткий кий», то напропалую флиртовал в углу с Мирандой Дэрроу, эффектной и молодой директорской женой с длинными волосами и пышным бюстом. Почему-то больше всего меня расстроило именно то, что Даллас флиртовал с миссис Дэрроу.

14 октября 1996 года, понедельник

Вдобавок ко всем прочим неприятностям Даа-ллесс (как протяжно, по-техасски, произносила сегодня Джорджина, словно всю жизнь прожила

²³ «Брукс бразерс» – одна из старейших марок мужской одежды в США, основанная в 1818 г.; в настоящее время производит одежду для мужчин, женщин и детей, а также предметы интерьера.

²⁴ Танец котильон возник во Франции в XVIII в.; оригинальных движений в нем нет, он объединяет в себе другие танцы – вальс, мазурку, польку. Обычно котильон, забавный игровой танец, исполнялся в конце бала.

²⁵ «Стаканчик Джелло» (Jell-O shot) – алкогольный мармелад. Стал популярным с 80-х гг. XX в. Содержит смесь желе с водкой, шнапсом или другим крепким алкогольным напитком.

в Техасе, хотя всего лишь провела там выходные) был дежурным преподавателем на сегодняшнем ужине. Я могла бы порадоваться, что он предпочел сесть за один из длинных «общих» столов, отведенных для выпускников, если бы она постоянно не флиртовала и заигрывала с ним, усиленно добиваясь внимания.

«Даа-ллеесс, – игриво поправив прическу, – пожалуйста, передайте масло...»

«Даа-ллеесс, – дурацкое хихиканье, – раз уж вы взяли соус, то не могли бы полить немного и на мой салат?»

«Даа-ллеесс, а у нас будут занятия, посвященные творчеству Пабло Неруды²⁶?»

И как будто мало ей показалось явного флирта, так она еще осмелилась спросить, есть ли у него «жена или подруга, или кто-то еще, с кем у вас, скажем так, серьезные отношения?»

Даллас ответил, что свободен, а Джорджина восприняла это с воодушевлением и надеждой, хотя она в данном случае менее всего могла на что-то надеяться. Сильви и Патрик, откровенно целовавшиеся во время танцев, когда он не проделывал свои дурацкие шуточки с брюками, теперь игнорировали друг друга, переглядываясь лишь украдкой, чем вызывали у остальных ощущение неловкости. Несмотря на... или, наоборот, из-за очевидной сексуальной напряженности, Майкл и Джейкоб провели ужин, пытаясь ехидничать, называя друг друга «геями» и используя еще более отвратительный сленг.

– Не лучше вам двоим разобраться с этим наедине? – спросил Даллас в конце их гомосексуальной перепалки, отчего Майкл покраснел как рак, а Джейкоб фыркнул так, что у него из носа брызнуло выпитое молоко.

Последовало неловкое молчание, и Йен попытался восстановить приличное общение за ужином. Теперь за столом слышалось только: «Да, сэр, нет, сэр, или, пожалуйста, сэр, передайте картошку». Учитывая, что Даллас был учителем, а мы – учениками, мне следовало бы гордиться усилиями моего друга. Не говоря уже о его безупречных манерах. Обычно я и гордилась.

– Далласу нравится, когда его называют Далласом, – прошептала я на ухо Йену.

– Сударь Даллас.

Мне захотелось оглохнуть. Особенно когда Даллас вдруг произнес: «Виселица – вот настоящее слово, сударь. Если вы приготовились к этому, то вы вполне готовы»²⁷.

Все за столом, включая Йена, уставились на него так, словно он вещал на неизвестном языке в состоянии религиозного экстаза.

– Шекспир, – изрекла я, почти не сомневаясь, что угадала верно.

Даллас улыбнулся, и все тут же с умным видом принялись кивать головами, словно тоже вспомнили эту цитату, а я считала минуты, когда будет удобно ускользнуть с этого идиотского ужина.

Как только нас отпустили, я пробормотала, что мне нужно еще сделать домашнее задание, хотя на самом деле уже все сделала, и постаралась затеряться в толпе, направляясь к двойным дверям.

²⁶ Пабло Неруда (1904–1973) – чилийский поэт, дипломат и политический деятель.

²⁷ Цитата из пьесы У. Шекспира «Цимбелин», акт V, сцена 4, перевод А.И. Курошевой.

Даллас, должно быть, вышел через преподавательский выход, пока я застряла в медленно движущейся группе десятиклассников, потому что, когда я прорвалась во двор, он уже стоял там, прислонившись к кирпичной колонне.

– Энди, – окликнул Даллас, и мое имя, казалось, далеко раскатилось эхом, несмотря на гомон окружавших нас голосов.

Я подошла, удивляясь, зачем он поджидал меня, и впервые заметив, как явно неловко он чувствует себя в этой не подходящей ему рубашке цвета хаки и слишком туго завязанном галстуке, как того требовал дресс-код воскресного ужина. Без своих обычных джинсов и выцветшей хэбэшной голубой или клетчатой рубашки Даллас выглядел непохожим сам на себя.

– Я вызывался дежурить за вашим столом в надежде насладиться блестящим разговором с вами за ужином, а вы едва слово сказали.

– Все из-за того, что... – Я пожала плечами, теряясь с ответом.

– Так из-за чего же?

Двор уже начал пустеть, но все же оставался неудобным для такого разговора. Я первой выскочила из-за стола, поэтому в любой момент могли появиться Йен, Джорджина и вся наша компания.

Оглянувшись через плечо, я убедилась, что они до сих пор не вышли.

– Меня слишком смущало поведение моих друзей.

– Но вы же не можете винить себя за их поведение, – заметил Даллас, заправив мне за ухо выбившуюся прядь волос.

А потом он прочитал стихотворение. Мне нравилось, как Даллас читает или цитирует стихи... он не декламирует их тем возвышенным «поэтическим голосом», каким обычно пользуются авторы, стараясь подчеркнуть величие своих творений. Он произносит слова просто, лишь слегка подчеркивая их сущность.

Город дремлет в своем одеяле.

Мэр спит в маске,

Шеф полиции – в берушах,

Дыхание их жен глубоко и бесстрастно.

Никто даже не бормочет во сне.

Бодрствуем лишь мы с тобой!

– И кто же автор?

– Я. Оно называется «Блум»²⁸.

15 октября 1996 года, вторник

«Блум»... интересно, имеется в виду какой-то расцвет, очарование или просто моя фамилия?

Должно быть, случайное совпадение.

Или, может, подсознательная закономерность...

Но он же известный поэт, черт побери. Все его поступки и желания преднамеренны. Подсознательное определяет его сознание.

Он заявил, что вызвался быть дежурным преподавателем за столом, чтобы за ужином насладиться разговором со мной.

²⁸ Игра слов – многозначное английское слово: «Bloom» означает: цветок, цветение, расцвет, свежесть, очарование; название созвучно фамилии героини Энди Блум.

И он заправил мне прядку за ухо...

Но это могло быть чисто отеческое побуждение. Или учительское. Ведь мы определенно связаны друг с другом как учитель и ученица.

И это совершенно логично, учитывая, что я – Энди Блум, Чудесная Юная Сочинительница Гленлейка.

Допустим, «Цветок», как замечено в названии стихотворения.

18 октября 1996 года, пятница

Йен продолжает спрашивать, всё ли в порядке.

Я продолжаю отговариваться тем, что просто нервничаю из-за подачи заявлений в колледжи и необходимости закончить школу как можно лучше, и всей прочей фигни.

И это правда.

Не могу же я сказать ему, что все чертовски не в порядке, но только потому, вероятно, что я слишком много думаю. И мысли мои о том, что я не осмеливаюсь доверить даже дневнику.

Сегодня вечером на его привычный вопрос я ответила:

– У меня просто очень сильно болит живот.

Причем ответила совершенно честно, пусть даже он болел не настолько сильно, чтобы пропустить просмотр «Выходного дня Ферриса Бьюллера»²⁹... но я этот фильм уже видела.

– По-моему, мне надо отлежаться.

– Если хочешь, я тоже останусь с тобой.

– Сходи лучше посмотри фильм, – возразила я, почувствовав себя еще более виноватой. – Все будет хорошо, не волнуйся.

– Ты уверена? – спросил он, поглядывая, как другие ребята проходят мимо нас и исчезают в просмотровом зале.

– Абсолютно.

В данном случае моя уверенность была полной, даже если она не распространялась на все наши с ним отношения.

21 октября 1996 года, понедельник

Даллас появился в классе с опозданием. Его всклокоченная шевелюра и более, чем обычно, безумный взгляд наводили на мысль о том, что он провел бессонную ночь. В соответствии с программой курса мы начали изучать творчество Лэнгстона Хьюза³⁰.

– «О теле электрическом я пою»³¹, – начал Даллас.

По такому началу я предположила, что вместо Хьюза мы будем изучать поэму Уолта Уитмена.

²⁹ «Выходной день Ферриса Бьюллера» – культовый американский комедийный фильм (1986).

³⁰ Джеймс Мерсер Лэнгстон Хьюз (1902–1967) – американский поэт, прозаик, драматург и колумнист; известен как один из ведущих и влиятельных писателей культурного «Гарлемского ренессанса» и первооткрыватель «джазовой поэзии».

³¹ Уолт Уитмен (1819–1892) – американский поэт и публицист, новатор свободного стиха; цитируется название его поэмы из сборника «Листья травы» (1855).

Повернувшись к доске, он начал что-то писать. Мы сидели, молча читая появляющиеся на доске стихотворные строки.

*Плесни бренди в бокал,
Не смоли сигаретой.
Возьми с тарелки смятую салфетку
И растели ее на коленях.
Прибереги красивые слова
И смех твой для меня.
Подчисти тарелку ножом и вилкой
И оставь ее в прошлом.
Въезжай на большую дорогу
И следуй новым путем.
Пропусти привычный поворот
И сверни на мою подъездную аллею.
Оглянись и найди меня взглядом.
Я жду тебя на крыльце.*

– О чем я пытаюсь сказать в этих строках? – взглянув если не прямо на меня, то в мою сторону, спросил он.

Все ответы я воспринимала в каком-то искаженном, замедленном звучании.

– О том, что у того бренди ужасный вкус? – предположил Томми Харкинс.

– Его просто нужно распробовать, – с усмешкой заметил Даллас. – Поговорим с вами об этом лет через двадцать.

– О том, что лучше забыть об ужине, – сказала Лола Макджордж.

– Метафорически, – добавила Кристал Томас. – По-моему, вы предлагаете кому-то круто изменить ход его жизни.

– Точно, – Даллас кивнул. – Есть еще какие-то варианты?

Пока я набиралась храбрости дать ответ, то выпала, казалось, из окружающей меня реальности класса со всеми его учениками.

– Вы предлагаете кому-то найти вас... – срывающимся голосом ответила я.

22 октября 1996 года, вторник

Я искренне думала, что Йен воплощает в себе все мои самые заветные желания.

Мне нравится, как пряди волос падают ему на лицо и как он резко откидывает их назад. Нравится смотреть, как он играет в футбол и баскетбол. Мы оба любим медовые батончики с миндалем, хотя большинство ребят считают наш вкус странным. Мне нравится, что он добрый, внимательный и надежный и что он любит меня. И я люблю его. Искренне люблю. Однако не помню, чтобы он пробуждал во мне ощущение того трепета, который я испытываю сейчас. Постоянно, двадцать четыре часа в сутки, уже целую неделю. Если б я вставила «трепет» в стихотворение, то оценивающая ручка Далласа, наверное, возмущенно проткнула бы это слово.

Я больше не уверена, что люблю Йена.

Может, я просто переросла его? Повзрослела...

Мне не хочется потерять его, но нечестно заставляя его мучиться, удивляясь тому, почему я так изменилась, почему перестала вести себя так, как раньше. Почему пребываю в странном замешательстве.

Я почти не сплю и с трудом заставляю себя хоть что-то съесть.

Нечестно избегать встреч с Йеном, пытаюсь успокоить его тем, что всё в порядке, раз я боюсь признаться ему в том, о чем думаю на самом деле.

У меня нет другого выбора.

Именно так надо поступить. Правильно.

Но что, если я ошибаюсь?

Что, если у меня просто разыгралось воображение?

23 октября 1996 года, среда

В вечерних сумерках я могла бы не узнать Далласа, опиравшегося на скамейку возле здания Коупленда, если б не огонек сигареты и струйка табачного дыма с вишнево-апельсиновым ароматом.

– «Не смоли сигаретой»? – спросила я, остановившись перед ним.

Вместо ответа он вынул сигарету изо рта, вздохнул и вставил ее в мои губы.

Пропусти привычный поворот

И сверни на мою подъездную аллею.

25 октября 1996 года, пятница

Не знаю, смогу ли когда-нибудь забыть взгляд острейшей боли и затуманенные ею глаза Йена, когда я сообщила, что, по-моему, нам надо отдохнуть друг от друга.

Мне пришлось смириться с этим фактом. Как бы сильно я ни страдала, Йен страдал не меньше.

И все же у меня возникло реально жуткое ощущение, будто я реально сошла с ума.

– Почему? – только и сказал он. – Почему...

Я не могла сказать ему правду. В любом случае.

В ней я не признавалась даже себе.

Однако могла думать только об этом. Целыми днями.

– Ты тут ни при чем, – в итоге ответила я, – дело во мне. Мне нужно какое-то время побыть в одиночестве.

Существует ли более мерзкое клише?

Йен развернулся и ушел, не сказав больше ни слова.

Я заслуживаю всего, что бы он сейчас ни думал обо мне. Какие бы чувства ни испытывал.

И все-таки меня переполняет какое-то безумное ощущение.

И я могу думать только о Далласе.

Глава 8

В воскресенье, отправив своей несентиментальной дочери прощальную эсэмэску, Йен выписался из гостиницы «Олд роуд» и сел за руль, чтобы отвезти Энди в чикагский аэропорт О'Хара. Там она сядет в самолет для короткого перелета в Сент-Луис, где его родители при-сматривали за двойняшками, а сам он вернется домой во вторник, разобравшись с делами в Чикаго.

После отъезда из кампуса Йен испытывал странное облегчение: едва покинув территорию Гленлейка, они сразу попали в обычный мир, лишенный малейших признаков разоблачения, грозившего перевернуть их жизнь с ног на голову.

– Так следует ли нам ожидать дальнейших допросов от нашей искательницы сенсаций? – спросил Йен, нарушив молчание, чтобы высказать единственную терзавшую душу проблему, когда они уже проехали мимо Дес-Плейнса по автомагистрали I-294.

Энди разглядывала большую стаю скворцов, кружившую над рекламными щитами.

– Когда я напомнила ей, что она обещала держать нас в курсе, Кэссиди поведала, что в былые времена в Чикаго «в курсе» держали только избранных, лишь им доверяя важную для бизнеса информацию.

– К концу этого семестра она уже, видимо, нахлобучит шляпку с полями, заткнув за ленточку журналистское удостоверение.

– По твоим шуточкам можно подумать, будто она снимается в эксцентричной «комедии чудаков»³² тридцатых годов прошлого века.

Собственные шутки казались вымученными и не вызвали желания смеяться. Йену хотелось узнать, что на самом деле думала Энди. У него лично перед глазами стояла цифровая фотография, показанная Уэйном Келли в классе: он представлял, как скрипели цепи подъемного крана, опуская затонувший «Чарджер» на палубу баржи, как выливалась вода из салона и прогнивших дверных прокладок.

– А как именно, кстати, она собирается информировать нас? – небрежно поинтересовался он, выехав на трассу I-190, последний этап дороги к аэропорту. – Мы же знаем, как она не любит звонить. И в «Скайп» редко выходит, не желая показывать, где находится и чем занимается.

– Я сказала ей, что даже текстовых сообщений будет вполне достаточно. Мы ведь интересуемся журналистским семинаром... наряду со всеми остальными занятиями этого семестра.

Наряду со всеми остальными занятиями.

Трудновато будет не забывать спрашивать об успехах в спортивных кроссах или учебных предметах и о деятельности школьной организации «Международная амнистия».

Подъехав к зданию терминалов отправления, Йен остановился на парковке и выскочил из машины, чтобы достать из багажника сумку Энди. Опустив сумку рядом с ней на тротуар, он выпрямился и встретил странный взгляд жены. Ему вдруг вспомнился раздел одной лекции в Амхерсте, которую читал ворчливый старый профессор по английскому языку. «В наше время «ревность» – одно из самых неправильно употребляемых слов английского языка, ошибочно используемое вместо слова «зависть». Быть ревнивым значит ревностно охранять ваши сокровища... будь то вещественные драгоценности или любимый человек».

Тот чудак с густой седой шевелюрой и кустистыми бровями выглядел как карикатура на классического сочинителя. У него была вычурная манера выражаться, побуждавшая студентов

³² «Комедия чудаков» – разновидность эксцентричной «социальной комедии» в американском кинематографе 1930-х гг.; главными ее героями были странноватые типы, идеалисты, чьи поступки, разговоры и образ жизни являлись своего рода протестом против общества в период Великой депрессии.

состояться в красноречии на пивных вечеринках. Но, как ни странно, Йену крепко запомнилось множество его оригинальных высказываний.

И сейчас лицо Энди отражало нетерпение. То самое нетерпение, разнообразные степени которого он начал узнавать с первых свиданий. Она обычно действовала импульсивно и быстро, а он, будучи более медлительным, предпочитал обдуманное действие. Она запросто, точно призрак, исчезала с вечеринок, а он вечно стремился еще найти и поблагодарить хозяйку, попутно обменявшись рукопожатиями с теми, кого надеялся вновь увидеть в ближайшее время.

Вот и опять всплыло это слово: *призрак*.

– Тот малый хочет, чтобы ты подвинул свою машину, – заметила Энди, увидев, как на парковку заехал инспектор на квадроцикле.

Вырвавшись из задумчивости, Йен быстро обнял ее и поцеловал.

– Передавай привет детям. Увидимся во вторник.

– До скорого, – сказала она, подхватив свою сумку, и исчезла за дверями терминала.

* * *

Поздним воскресным утром движение на дорогах было по-прежнему незначительным. В рекордное время доехав до центра города, Йен с легкостью отыскал свой отель на Ривер-норт. Его номер, однако, еще не подготовили. Не желая браться за дела, не сменив джинсы и толстовку с эмблемой Гленлейка, он оставил свои вещи в камере хранения за стойкой администратора и отправился прогуляться по набережной.

День выдался прохладный. С озера Мичиган дул сильный ветер. Пальцы Йена подмерзли, даже несмотря на то, что сжимали горячий стаканчик с кофе. Тем не менее он продолжал двигаться на запад под мостами, не слишком обращая внимание на гроыхание проносившихся по ним машин. Йен надеялся, что прогулка прочистит голову и поможет вернуть интерес к предстоящей деловой встрече.

Торговая выставка «Мировые вина и спиртные напитки» ежегодно проводилась в Нью-Йорке, Чикаго и Сан-Франциско для североамериканских импортеров, оптовых и розничных торговцев. И хотя всю реальную работу делал его директор по закупкам, Йен находил выставку полезной: она позволяла отслеживать тенденции, налаживать торговые связи и вынюхивать новинки для трех его магазинов, продававших пиво, вино и крепкий алкоголь.

Решив, что Нью-Йорк с его финансовыми воротилами ему не по зубам, Йен осознал необходимость выбора нового направления бизнеса. Поначалу, праздно размышляя над оригинальным товарным ассортиментом, способным поддержать фамильную империю Коуплендов, он вспомнил про старый пыльный винный магазин в Сент-Луисе. Магазин назывался «Импортные вина» и не особо изменился за последние полвека. Кроме того, его расположение в историческом районе Клейтон³³ было весьма удачным.

Заметив по наездам в Чикаго тенденцию к популярности винодельческих предприятий с продукцией высокого качества, Йен понял, что Сент-Луис созрел для его собственной торговой версии. Выбрав подходящий момент, он уговорил отца отдать ему «Импортные вина», где провел полную реконструкцию и обновил ассортимент.

Теперь его деловая империя включала три магазина, обслуживаемых семью десятками сотрудников. Он значительно продвинулся на пути к успеху. Даже позволил себе посмотреть списки продаваемой недвижимости в Канзас-Сити.

³³ Клейтон, он же Клейтон-тамм, также известный как Догтаун – некогда ирландский анклав в Сент-Луисе.

Оставалась лишь одна проблема: пришлось выстроить два новых магазина. Стоимость строительства превысила сметы, а дохода пока что не было. Будет наверняка – но год выдался трудный...

В этот поздний сезон по реке одиноко скользил прогулочный катер. Усиленный микрофоном голос гида предложил дюжине скопившихся на палубе пассажиров повернуть головы и взглянуть на один из возвышавшихся на набережной небоскребов. Йен тоже повертел головой, не зная, на какую именно высотку смотреть. Он ездил на такую экскурсию с Кэссида, в ее первый год учебы в Гленлейке, и ему очень понравилось, хотя он забыл почти все, что узнал тогда. У него стал подмерзать кончик носа, но он все-таки решил пройтись до следующего моста, а уж оттуда повернуть назад.

Положение дел не было безысходным. Коупленды всегда находили выход. Однако Йен беспокоился. Ему не хотелось просить денег у отца: запасы старика давно не пополнялись, не говоря уже о том, что он и так уже вложил изрядную сумму в третий магазин. Вот почему, проглотив гордость, Йен стрельнул краткосрочный кредит в триста пятьдесят тысяч долларов у отца Энди, Саймона. Ничего не сказав жене, поскольку она изначально не одобряла эту идею.

Сама Энди недавно сделала собственные инвестиции в «Блуминг букс», свою издательскую компанию, переехав в новый офис с розничным магазином, расположившийся там же, в Клейтоне, поблизости от его винного магазина. Часть этих денег составляла ссуда, выдаваемая малому бизнесу, однако львиную долю выдал Саймон, и гордость не позволяла ей просить еще.

– Йен, поищи заем где-нибудь в другом месте. Мы и так уже много одалживались у него. Мне не хочется, чтобы он так активно вошел в нашу жизнь. У всего должен быть предел.

Отношения Энди с отцом всегда оставались для Йена чем-то вроде загадки. История осложнилась после смерти ее матери от рака: Энди тогда заканчивала начальную школу, а потом отец принял решение отправить ее в Гленлейк. Они могли неделями не общаться друг с другом, и Энди отзывалась о Саймоне с пренебрежением, что казалось бессердечным и невыносимым даже в семье Йена, где отношения, по общему признанию, не отличались теплотой и сердечностью.

Но при личных встречах девушка общалась с отцом прекрасно. Даже с любовью – по крайней мере, когда отсутствовала ее мачеха, Лорейн. Их собственные дети давно привыкли к тому, что сводные тетушки, Сэйдж и Саванна, больше похожи на старших сестер, и все научились вежливо игнорировать вялую банальность высказываний Лорейн. Все, за исключением Энди, – ей каждый вздох мачехи, должно быть, казался предательством.

Йен обычно списывал отсутствие взаимопонимания на недостаток опыта общения в большой семье. Его родители не проявляли особой привязанности друг к другу, однако всегда жили и держались вместе.

Все прочие отличия – начиная с того, как Саймон хвастался своими крупными сделками, и кончая семейными разборками в присутствии всей родни – Йен приписывал калифорнийскому стилю жизни.

Он повернул назад, навстречу ветру. Выбросил в урну стакан с недопитым кофе и засунул руки в карманы.

Нравился ли ему Саймон? Он находил его интересным, возможно, даже обворожительным и достойным восхищения. В некоторых отношениях тесть соответствовал всем стереотипам голливудского режиссера и дельца, даже если исполняемая роль не особо позволяла ему пройтись по красной дорожке.

Поработав в молодости водителем, плотником и помощником администратора по натурным съемкам на малых киностудиях, он вернулся к учебе и, получив диплом бухгалтера, начал заниматься бухгалтерией кинопроцесса, а в итоге стал исполнительным продюсером, подвизавшись на съемках малобюджетных боевиков с актерами, чья слава осталась в прошлом. Правда,

среди десятков его творений оказался только один номинированный на «Оскар» фильм, и единственный нашумевший фильм, благодаря которому он получил кредит производителя и долю в прибылях. Но именно всё это обеспечило мистеру Блуму стабильную и высокоприбыльную карьеру.

Поездки в Лос-Анджелес Йен воспринимал как визиты на съемочную площадку голливудской жизни: поздние завтраки, белковые омлеты, восемнадцатидолларовые смузи с маслом семян чиа и ягодами асаи (подобные изыски, разумеется, никогда не украшали меню Коуплендов); и бесконечное множество упоминаний вскользь имен знаменитостей. Несмотря на общественную репутацию безжалостного дельца, Саймон, казалось, искренне любил детей. Он обожал Кэссиди, Уитни и Оуэна, усложняя для Йена понимание проблем Энди с отцом.

С другой стороны, старые и малые всегда легче находят взаимопонимание.

Йен отчаянно нуждался в очередном кредите, поэтому Саймон оставался единственным выходом. Он решил встретиться с ним лично, сообщив Энди, что летит в Лос-Анджелес на встречу с поставщиком, хотя в принципе мог бы решить дела по почте.

С приближением вылета Йен все больше нервничал. Его родной отец сделал бы из такой просьбы целую трагедию, с назиданиями в кабинете, молчаливым и тщательным выписыванием бумажного чека и последующим распиванием виски под строгие наставления о необходимости бережливости и экономии...

Если бы у отца еще оставались большие деньги. Но состояние Коуплендов в чертовски неудачное время изъяли из железных дорог и вложили в недвижимость. Разумеется, благодаря запасу акций, дающих высокие дивиденды, семья еще могла обеспечивать себе комфортную жизнь и оплачивать взносы в различные элитные клубы, однако времена шести- и семизначных пожертвований и инвестиций закончились.

Саймон вел себя более непринужденно. Когда Йен – с екнувшим сердцем – назвал желаемую сумму, тот, усмехнувшись, изрек:

– Всего-то? – намекая тем самым, что между «своими людьми» достаточно и обмена электронными письмами и переводами.

Перед отъездом обратно в аэропорт Саймон угостил зятя ланчем, заказав поистине громадные сэндвичи с копченой говядиной («только раз в неделю, иначе доктор удвоит мое время на беговой дорожке»), и в целом сделка могла бы оказаться вполне дружеской, если б не одно замечание.

Промокнув губы салфеткой, Саймон небрежно задал тот самый больной вопрос:

– Полагаю, Энди с этим согласна?

Йен ответил тщательно отрепетированными словами:

– Я был бы признателен, если б это осталось между нами.

Тесть кивнул с задумчивым видом и, бросив салфетку на тарелку, добавил еще одно условие к соглашению: «просто для доказательства того, что оба мы серьезные дельцы». Если Йен не вернет долг в течение года, то Саймон получит двадцать процентов акций корпорации «Виноград и ячмень», закрепив свою роль в будущем супругов Коупленд. Время решало всё, а Саймон был прозорливым переговорщиком: кто же станет отказываться от сделки, дав согласие?

Йен старался не вспоминать, как Энди называла отца «гангстером» и шутила по поводу трупов, похороненных на заднем дворе его виллы в районе Бель-Эйр.

Вернувшись в вестибюль отеля, он зарегистрировался на стойке регистрации, где клерк заверил, что номер почти готов. Найдя уединенное кресло, Йен проверил сообщения на смартфоне.

Ожидая своего самолета, Энди поделилась на «Фейсбуке» несколькими фотографиями с родительских выходных. Разумеется, в подписях ничего не говорилось о мертвых поэтах в затопленных крутых автомобилях.

*Встреча с миссис Генри, любимой школьной учительницей!
Отец против дочери в стикболе. Чья команда выиграла? Никогда не скажу.
Очередной замечательный родительский уик-энд в Гленлейке!*

Ощущение когнитивного диссонанса только усугубилось: Йен не понимал, успокоила ли его беззаботность ее сообщений или встревожило то, что она не упомянула о большой тайне кампуса.

На телефон наконец-то пришло сообщение, что номер готов. Он забрал вещи из камеры хранения, поднялся на лифте на двенадцатый этаж и вошел в номер, из окон которого виднелась набережная. Переоделся, захватил небольшую пачку визиток и вновь спустился в вестибюль. Повесив на шею бейдж, сделал умное лицо и вошел в выставочный зал.

Будучи скромным региональным шоу, эта выставка не имела общемирового размаха, однако участники до сих пор торговали и обсуждали всё: дорогие марочные вина, напитки массового спроса и крепкий алкоголь; а также бокалы, салфетки для коктейлей, открывалки для бутылок, насадки для дозирования вина, аэраторы³⁴, зубочистки для оливок и вишенки, фирменные футболки, фартуки и так далее. Йен, однако, проигнорировал их всех, сделав ставку на своего нового поставщика.

Он нашел Престона Брандта в маленькой палатке со скромной вывеской на стойках и драпировке, представлявшей его компанию: «Группа Брандта: винтажные и коллекционные дистилляты».

Пытаясь извлечь выгоду из последних новинок, Йен азартно поиграл на бирже и приобрел довольно много уникального ассортимента, несмотря на высокую начальную стоимость. Единственная проблема заключалась в том, что клиенты почему-то не спешили приобщаться к винтажным напиткам.

Занятый размещением достойной музея подборки биттеров, бальзамов, вермутов, рома, водки, джина и виски, Престон, однако, заметил его приближение.

– Как дела в Сент-Луисе?

– Оставляют желать лучшего, потому-то отчасти я и заявился сюда, – признался Йен. – В моих магазинах ваш ассортимент смотрится потрясающе, мои продавцы говорят, что эти бутылки дают повод к началу разговоров, однако, к сожалению, дальше этого не идет.

– Как странно, – Престон удивленно поднял брови. – Дела у нас здесь, в Чикаго, идут хорошо, не говоря уже о Нью-Йорке, Сан-Франциско и Сиэтле. У нас покупают товар некоторые фирменные бары, специализирующиеся на коктейлях, платят большие деньги... совсем не похоже на хилые оптовые продажи бурбона лет шестьдесят назад.

– Наши коктейль-бары пока еще только набирают популярность, но я делаю ставку на увеличение числа богатых клиентов, предпочитающих эксклюзивную выпивку.

– А вы выставили нашу продукцию на видное место?

– В первых рядах закрытых витрин с первоклассным скотчем и сигарами.

– Закройте-ка глаза.

Озадаченный, Йен выполнил просьбу. Он услышал, как горлышко бутылки звякнуло по бокалу и в него с бульканьем что-то полилось.

– Открывайте, – разрешил Престон, вручив ему хрустальный бокал с плескавшейся на дне янтарной жидкостью. – Попробуйте. Держу пари, вы еще не пробовали ничего подобного.

Йен поднес бокал к губам и сделал глоток. Это был вкус бурбона, но не тот бархатный и мягкий, из уникальных замшелых бочек, что пользовался нынче бешеной популярностью. И послевкусие знакомое, однако он затруднялся назвать марку. И, если уж быть до конца честным, вкус напитка казался даже банальным.

³⁴ Аэраторы – электрические и механические устройства для насыщения вина кислородом и удаления из бутылки возможного осадка.

– Ну и что это?

– «Олд Форестер» пятьдесят третьего года.

– Да, похоже, в этом бокале драгоценная заначка из бара моего дедушки, – подавив усмешку, оценил Йен.

С важным видом Престон извлек спрятанную бутылку и поставил ее на стойку, чтобы Йен смог полюбоваться на винтажную этикетку и оригинальный ценник.

– Они у вас будут продаваться одна за другой. Все дело в тонкостях продажи. Сегодня делают бурбоны и получше, но вы же не продаете им лучший бурбон. Вы продаете впечатление: питейное путешествие в машине времени. Покупатель оценит, каким был вкус в давние годы.

Сделав второй глоток, Йен признал, что вид старой бутылки разжигал воображение, невольно облагородив и вкус первого глотка.

– Народ готов платить сотни долларов за один винтажный коктейль в дегустационных залах. Такой продукт, по определению, ограничен изданием. Имеется больше, чем вы можете подумать, однако цены отнюдь не понизятся.

– То есть, по сути, вы имеете в виду, что это вопрос воспитания.

– В следующий приезд в Сент-Луис я могу запланировать встречу с вашей командой, – заявил Престон, схватив второй бокал и плеснув себе порцию «Олд Форестера». – Приеду и с удовольствием проведу тренинг с вашим персоналом. Продавать так продавать. В какой-то момент надо начинать серьезно вкалывать.

Йен признавал его правоту, но время кредита Саймона неумолимо тикало. Долго ли еще придется вкалывать? И долго еще удастся скрывать финансовые проблемы от Энди?

Так же долго, как она хранила свой секрет...

– Похоже, отличный план. Я покажу вам свои магазины и угощу вас ужином.

– Прекрасно, – сказал Престон, и они сдвинули бокалы. – За встречу в Сент-Луисе!

Глава 9

– Просто не верится, что все эти годы труп Далласа Уокера торчал в своей крутой тачке на дне Лумиса! – воскликнула Джорджина, с недоверием взирая на Энди и пропустив выезд с Ламберт-филд на трассу I-70.

Еще несколько дней назад Джорджина предложила встретиться подругу в Сент-Луисе, сказав, что ей все равно нужно тащиться в Сентрал-Вест-Энд на встречу с клиентом. Хотя на самом деле ей не терпелось узнать свежие сплетни из Гленлейка. Энди не смогла отделаться отчетом по телефону и так же без толку пыталась объяснить, почему предпочла бы воспользоваться такси.

– Поразительно, правда?

– До умопомрачения.

Почему-то все выходные Энди не испытывала такой острой тревоги, как сейчас. Ей хотелось думать, что нервы разыгрались из-за резкого разворота Джорджины или из-за того, как лихо та лавировала на своем белоснежном «Рендж Ровере» между машинами, но пересказ событий сделал факт возвращения Далласа из небытия гораздо более реальным.

– Ну, не странно ли, что за столько лет никто не обнаружил его затонувшую машину? – спросила Джорджина, проверяя укладку в зеркало заднего вида. Браслеты, снятые прямо с витрины ее бутика на Ладю-роуд, бодро звякнули, когда она нагло подрезала чей-то «Форд Фокус». – Народ же любит там плавать.

– Его обнаружили совсем не там, где обычно купаются, а около противоположного берега.

– То есть он грохнулся в воду на своей шикарной тачке прямо со скалы?

– Такова рабочая версия, – подтвердила Энди, испуганная тем, что подруга так хорошо знакома с тем берегом.

– Он всегда отличался взбалмошностью и рассеянностью. Ты так не думаешь?

– Пожалуй, – ее начинало охватывать раздражение, – но в этом году литературный курс займется проверкой разных версий.

– О чем ты говоришь? – недоуменно спросила Джорджина, копясь в центральной торпедо и в результате пропустив съезд на скоростную автомагистраль города. – Черт!

– Ну и хорошо. До Кингшигвэя быстрее по семидесятой трассе.

– Не люблю ездить этим путем. – Подоплека ворчания Джорджины заключалась в провинциальном миропонимании белых обитателей Сент-Луиса, и, говоря откровенно, она могла бы признаться: «Я боюсь ездить по северной части и вообще по большинству городских районов».

– Все будет в порядке, – ободрила ее Энди.

Она успела полюбить Сент-Луис, но все еще боролась с осознанием зачастую непостижимой, но, казалось бы, врожденной социально-экономической, расовой и религиозной стратификации, создававшей горожанам множество проблем, как психологических, так и физических и территориальных.

– О какой это проверке ты упомянула?

– Литературный факультатив в этом году ведет журналист, и они расследуют случившееся в ходе курсового проекта. Кэссиди, кстати, уже начала доставать нас допросами.

– Уж не повторится ли история? – усмехнувшись, спросила Джорджина.

– В каком смысле?

– Только в том, с каким увлечением ты сама когда-то училась на литературном факультативе.

– Наверное, какова мать, такова и дочь, – ответила Энди, постаравшись придать голосу всю беспечность, на какую только была способна.

Выехав на шоссе, Джорджина наконец выудила из кармашка торпеды помаду любимой фирмы и подкрасила губы.

– Полагаю, она в курсе того, что в выпускном классе ты училась у Далласа?

– Разумеется, – небрежно произнесла Энди.

– Включая и то, что он был неотразимым красавчиком? – кокетливо протянула Джорджина, тоном своей же семнадцатилетней версии.

– Не думаю, что ей необходима столь незначительная информация, – заметила Энди, нервно сменив позу. – А ты действительно думаешь, что он был таким неотразимым?

– А ты разве нет?

– Не я же флиртвала с ним напропалую, – с запинкой парировала Энди, чувствуя, как эти слова застревают у нее в горле.

– Ну, в школе я флиртвала со всеми... Слава богу, ты удачно сыграла для меня роль свахи. Если б не ты, кто знает, сколько еще дурацких фортелей я выкинула бы...

Энди действительно не раз направляла взоры подруги в нужном направлении. В выпускном классе она способствовала тому, что Джорджина начала встречаться с Томми Харкинсом, сообщив, что тот постоянно украдкой поглядывает на нее во время занятий поэзией. И способствовала ее новому роману в университете, когда подруга приехала из колледжа Тринити на выходные: Уильям, клевый умник из студенческого братства Йена, питал слабость к дерзким рыжим красоткам. А Джорджина питала слабость к клевым умникам.

Как и ожидала Энди, их любовь вспыхнула с первого взгляда, и теперь Джорджина вела благонравную жизнь со своим муженьком, успешным адвокатом, и их рыжеволосыми отпрысками.

– А что сама Кэссиди думает о нашем когда-то любимом Далласе?

– *Любимом?* Говори за себя. – Энди заставила себя игриво похлопать подругу по плечу. – Разве у вас с ним ничего...

– О чем ты, черт возьми? Он же был нашим учителем!

– Нашим *неотразимым* учителем, – прибавила Энди, подражая тону Джорджины.

– Значит, ты признаешь, что тоже потеряла из-за него голову?

– Я?..

– Не пытайся уверить меня, что с самого начала факультатива не смотрела на него как влюбленная телка, до тех пор, пока он не...

Исчез. Это недосказанное слово повисло между ними.

– Сомневаюсь, как ты могла хоть что-то заметить, учитывая, какие на редкость бурные отношения закрутила с Томми. – Понимая, что необходимо как-то увести разговор подальше от опасной темы, Энди добавила: – Я видела его, кстати, на этом родительском уик-энде. Теперь его величают исключительно Томом.

– Серьезно? – Голос подруги взлетел на октаву. – И как он выглядит?

– Ну, скажем так: жизнь, безусловно, потрепала его.

– Жаль, конечно, но ничего не поделаешь, – весело прошептала Джорджина. – Так что вернемся лучше к твоей школьной любви, к Далласу...

– Джорджина, прекрати! Он же погиб. Это трагедия.

– Я просто помню, как раздумывала, не рассталась ли ты с Йеном, надеясь, что Даллас снизойдет до тебя.

– Вот еще! Просто я тогда решила, что слишком взрослая для него, и меня дико раздражали все эти школьные мальчишеские глупости. – Энди рассмеялась, попутно отметив, что они уже свернули на Портленд-плейс. – Те безумные уроки поэзии породили во мне уверенность в том, что я уже все познала...

– Увы, тогда мы не понимали, как мало знаем, – произнесла Джорджина с не характерной для нее лиричностью.

Они остановились около дома. В юности Энди посмеялась бы, если б ей сказали, что несмотря на то, что она выросла в Беверли-Хиллз, ее взрослая личность будет благоговеть перед величием и красотой особняка, построенного из известняка в начале прошлого века во времена Всемирной выставки³⁵. Оказавшись дома, далеко от Гленлейка, она испытала облегчение. Прямо противоположное тому, что испытывала здесь в юности.

– Жаль, что Сильви выпала из нашего круга общения.

– Вернее, ты еще не смогла выяснить номер ее телефона?

– Можно и так сказать, – Джорджина лукаво улыбнулась. – Такой интересной историей не терпится поделиться. Учитывая все те наши безумные версии его исчезновения, просто не верится, что он все эти годы оставался практически в Гленлейке!

Когда подруга наконец разблокировала дверцы машины, Энди пересказала, о чем беседовала во время матча по стикболу с миссис Генри, своей любимой учительницей, присматривавшей также за порядком в их общежитии. Ей единственной удалось в какой-то мере заполнить дыру, образовавшуюся в душе после ухода мамы. Теперь, достигнув почтенного возраста, миссис Генри стала заботливой, как бабушка, завкафедрой английского языка.

«Понимаю, что это прозвучит жестоко, – со вздохом призналась миссис Генри, – но нас, помню, совершенно не волновало, куда сбежал Даллас и где продолжил свою жизнь, поэтому, на мой взгляд, странно, что сейчас по этому поводу устроили такой ажиотаж. Заезжие писатели, разумеется, нужны школе, но они всегда приносили больше проблем, чем пользы».

* * *

– С возвращением! – воскликнула Биз, приветствуя Энди костлявым вялым объятием. Энди давно привыкла к нему и считала равноценным жарким объятиям своих пышногрудых еврейских родственников.

Биз и Джорджина вежливо обменялись воздушными поцелуями и еще более эфемерными объятиями, а Расти, любимчик семьи – уже достигший средних собачьих лет ирландский сеттер, – слегка напугал Энди, принявшись облизывать ее пальцы, пока она, опомнившись, не подняла руку.

– Как я рада вас видеть, – прошебетали практически в унисон Биз и Джорджина, завершив фразу ожидаемыми замечаниями: – Вы отлично выглядите.

– Как любезно, что вы привезли Энди из аэропорта, – продолжила Биз, пригладив свои шелковистые седые волосы, словно подкрепляя этим жестом традиционную вежливую фразу. – Я заказала пиццу в очаровательной пекарне недалеко от проспекта Евклида, и ее как раз только что доставили. Джорджина, вы же останетесь на ланч?

Энди знала, что свекровь на самом деле сделала приглашение чисто формально. Ее заказов обычно с трудом хватало на домочадцев, не говоря уже о гостях, однако, будучи благовоспитанной дамой, она неизменно приглашала всех остаться.

– Звучит соблазнительно, но у меня полный багажник одежды. Мне надо срочно отвезти ее клиентке, – мило ответила Джорджина, также достаточно хорошо воспитанная, чтобы не помышлять навязываться в гости.

Возможно, привлеченные запахом пиццы, в холл сбежали двойняшки, и Энди показалось, что после расставания в пятницу они успели подрасти, как бы невероятно это ни было. За ними следовал их слегка выдохшийся, но еще красивый и статный дедушка, чьи черты унаследовал Оуэн. Уитни с ее прямыми светло-каштановыми волосами и грациозной осанкой получилась точной копией юной Биз.

³⁵ Всемирная выставка проходила в Сент-Луисе в 1904 г.

– Вечно я забываю, как долго тащиться вниз с третьего этажа, – заявил Коуп, по рассеянности притащив с собой ракетку для пинг-понга и терпеливо дожидаясь, когда Уитни и Оуэн закончат обниматься с мамой, чтобы самому приветствовать сноху.

– А можете себе представить, как жарко и душно было танцевать там в былые годы? – спросила Джорджина.

Бальные залы первой половины прошлого века – большие открытые помещения на верхних этажах в большинстве старых особняков этого района – давно реконструировали, превратив их в студии, художественные галереи или комнаты отдыха, в основном из-за непрактичности проведения большой вечеринки в двух этажах от кухни. К тому же в этих больших, практически чердачных, продуваемых ветрами помещениях невозможно было создать комфортно теплую или прохладную атмосферу.

– В молодости мы все обожали встречаться там с друзьями, – вежливо, но пренебрежительно заметила Биз, дав Джорджине понять, что ее мнение в данном вопросе непререкаемо.

Энди волновало не столько мнение Джорджины о третьем этаже, сколько слишком взрослые, неодобрительные взгляды и усмешки, которыми украдкой обменялись Оуэн и Уитни. Оставался маленький шанс, что они не поступят в Гленлейк, но, учитывая склонность Оуэна к рискованным мальчишеским затеям и расцветающую красоту и популярность Уитни, Энди с содроганием подумала о том, что придется осуществлять родительский надзор на детских вечеринках третьего этажа.

– Кстати, Кэссиди передает всем привет, – сообщила она, решив, что не стоит опережать события.

– Как прошли выходные? – поинтересовалась Биз.

– И как там дела со строительством литературного центра? – вставил Коуп, не дав жене договорить.

Он наконец вышел из совета попечителей, как раз когда началась кампания по сбору средств для строительства нового школьного здания.

– Разумеется, мы прекрасно провели время с Кэссиди, а литературный центр близок к завершению, благодаря чему кампус станет куда более...

– Переходи к интересным событиям! – прервала ее Джорджина.

– Неужели есть и интересные события? – насмешливо спросил Оуэн.

– Что-то случилось с Кэссиди? – Уитни посмотрела на мать, удивленно подняв брови.

– Вовсе нет, – ответила Энди.

– Там обнаружили... – вырвалось у Джорджины, но, подумав, она не стала продолжать. – Извини. Это твои новости.

– Уж если говорить точнее, это общие новости. Вы помните Далласа Уокера?

– Знакомая фамилия, – задумчиво произнес Коуп, словно листал книгу памяти. – Не он ли когда-то был приглашенным писателем в Гленлейке?

– В начале прошлой недели его автомобиль обнаружили на дне озера Лумис. Вместе с человеческими останками.

– Он погиб? – резко спросила Биз, быстро глянув на Коупа.

– Так полагают, но в этом еще нужно убедиться, – пояснила Энди.

– Потрясно! – воскликнула Уитни.

– И еще более потрясающе то, – сообщила ей Джорджина, – что мы с твоей мамой знали этого утопленника. В старшем классе он вел у нас поэтический факультатив.

– Да, вроде бы он исчез в середине учебного года, – кивнув, сказал Коуп, покопавшись в памяти. – Из-за этого, помню, возникла масса проблем.

– Минутку, – вдруг воскликнула Биз, всплеснув руками, – не спешите. Его что, нашли... в том самом озере?

– Да; компания учеников, попытавшихся возобновить традицию Ночных подлунных занываний для первогодков.

– Да уж, такого в Гленлейке еще не бывало, – проворчала свекровь.

– И все эти годы мы думали, что он просто куда-то уехал, – вставила Джорджина. – Он мог бы сбежать от нас, это было бы вполне в его духе.

– Вот крутяк, прям мороз по коже, – хмыкнул Оуэн, видимо, увлеченный перспективой увидеть труп и таинственной историей. – Не могу дождаться, когда окажусь в Гленлейке.

– Говоря о «морозе», – подхватила Биз, – боюсь, мне придется разогревать пиццу.

– Ой, мне пора уезжать, – спохватилась Джорджина, доставая из кармана смартфон и ключи от машины.

Как только все попрощались, обменявшись дежурными благодарностями, и дверь за Джорджиной закрылась, Биз заявила, закатив глаза:

– Эта девица пошла в свою мать. К тому времени, когда она доберется до дома, успеет сообщить об этом по телефону всем, кто хоть раз появлялся в Гленлейке. Хвала господу, в ваши школьные времена еще не было сотовых телефонов...

Это была правда. К счастью, хотя Джорджине можно было доверить распространение любой информации, умственных и аналитических способностей в ней с годами не прибавилось.

И именно это Энди могла использовать в своих интересах.

Но надеялась, что все же не придется.

Глава 10

– Сиди тихо и не высовывайся, – предупредила Кэссиди шутливо-сердитым тоном, не желая показаться строгой училкой.

– Слушаюсь, мэм, – ответил Тэйт, подтверждая ее опасения тем протяжно-приторным южным говором, что звучал по-дурацки в девятом классе, но с каждым годом приобретал все более ярко выраженный сексуальный оттенок.

Кэссиди открыла ноутбук и вошла в «Скайп». Увидев, что мама в Сети, она инициировала видеозвонок.

Вытянув ногу, Тэйт пощекотал ее большим пальцем под коленкой, едва не вынудив закрыть ноутбук как раз в тот момент, когда на дисплее появилось лицо мамы.

Успокоившись, Кэссиди решила сразу взглянуть на мать.

– Привет, мам!

Тэйт закатил глаза. Кэссиди уменьшила свое изображение. Мама находилась возле барной стойки на кухне. В кадр отчасти попал и ее большой вечерний бокал вина. Родители приезжали на выходные всего две недели назад, но мама выглядела какой-то постаревшей. И очень, очень усталой.

– Привет, милая. Как прошел день? – Не дождавшись ответа, она повернула голову и призывно сообщила: – Йен! Звонит Кэссиди!

Они успели вразнобой обменяться парой любезностей, когда на экране появился папа. Он остановился в паре шагов за маминой спиной, но его лицо оставалось в тени из-за приглушенного кухонного освещения.

– Привет, Кэссиди.

– Я звоню по поводу Тайны Утонувшего Поэта, – сообщила она, – теперь это официально входит в мое домашнее задание.

– Отлично. – В передаче «Скайпа» голос звучал немного отчужденно. – Вы называете это тайной? – спросила мама, глотнув вина.

– Скорее расследованием. Мистер Келли сказал, что над этим делом работают и в офисе шерифа округа Лейк. Он надеется, что один из детективов придет на наши занятия поговорить о ходе следствия.

На мгновение изображение на экране застыло, и Кэссиди уже подумала, что в связи возникла неполадка.

– Я хотела попросить вас рассказать мне побольше о том, каким человеком был Даллас Уокер. Ведь раз он не исчезал целых два триместра, то вы оба общались с ним и, должно быть, успели узнать его довольно хорошо, верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.